

Сезимъ
Дружб

Стикерануль

Сеймур Алиев

Асмикраниль

«Издательские решения»

Алиев С.

Асмикраниль / С. Алиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906426-4

Эта история гласит о двух истерзанных сердцах, что, словно мотыльки, растерянно порхали вокруг счастья. Но в порыве прикоснуться к призраку своих грез, они невольно обжигали до пепла свои хрупкие крылья. Их ожидал долгий путь... Путь, что не щадил тех, кто боялся терять, истязал каждого, кто таил в узелке росток еще тлеющей жизни. И они шагнули во тьму, окутанную тонкой изморозью надежды.

ISBN 978-5-44-906426-4

© Алиев С.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Асмикраниль

Сеймур Алиев

Дизайнер обложки Евгений Саух

© Сеймур Алиев, 2019

© Евгений Саух, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-6426-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история гласит о двух истерзанных сердцах, что словно мотыльки растерянно порхали вокруг счастья. Но, порыве прикоснуться к призраку своих грез, они невольно обжигали до пепла свои хрупкие крылья. Руан и Семриаль покинули Лямеля, не смотря на его желание броситься с головой в пасть нового демона, как это сделали они, ради своего дорогого друга. Ведь поэт обрел долгожданное счастье, что сродни внезапному, робкому поцелую. Ничто не должно было спугнуть это молчаливое пение двух душ. А за горизонтом, таилось нечто таинственное, очень важное, пугающее. Нечто, за чем можно было нестись, обгоняя ветра, бежать и более не вернуться никогда. Путь не щадил тех, кто боялся терять, неистово ненавидел всякого, кто таил в узелке росток счастья. Лишь отшельники тихо шествовали по каменистым венам своих извечных богов. Руан и Семриаль были иными. В их сердцах успела зародиться любовь и зыбкая вера в счастье. Они боялись упустить этот тонкий стебелек весны, где на юных побегах, капельками утренней росы, таились их обреченные миры. И они шагнули во тьму, окутанную тонкой изморозью надежды

Это повествование берет свои истоки от книги «Лямель и принцесса Нарла», но не является ее продолжением.

ГЛАВА I

Яркие лучи восходящего солнца нежно ласкали вершушки Пиларийского хребта, окрашивая их в золотистый цвет, напоминающий знакомый оттенок полевого меда. Всё ещё свежий утренний ветер, словно непослушное дитя, метался по бесконечным долинам, игриво дуя в спину пронизывающей прохладой. Всадники были искренне рады каждому лучику, задержавшемуся на их латах. Холодное дыхание наступающей осени давало о себе знать. Много дней прошло с тех пор, как Руан, оставив родные земли, последовал за своей возлюбленной. Он изредка замечал, как Семриаль зачаровано глядела вдаль, куда неустанно стремилось ее сердце. Вдохнув полной грудью воздух, наполненный ароматом ее волос, он понимал, что готов навеки следовать за ней. Хранительница же, частенько отрывая взгляд от бесконечности, ласково взирала на него, не замечая никого.

А вокруг наших друзей шел небольшой отряд, возглавляемый Гаранбаром, сыном покойного Тараблута, тем самым храбрым мужем, от руки которого пал Далагул, беспощадный предводитель мародеров. Однако не всех головорезов настигли клинки возмездия. Ничтожная горстка убийц, поверженных под Заробом, сумела скрыться в окрестных лесах и теперь грозила опасностью мирным прохожим. Узнав о намерениях нимфы, Аргеол немедленно послал вслед за путниками отряд из тридцати паладинов, доверив безопасность своих юных друзей лучшему Кесгорскому воину. По дороге веселые рыцари немало интересного рассказали влюбленной чете, но самым интригующим был рассказ, так или иначе затрагивающий недавние события. Хотя наши друзья никогда не задумывались об этом, но замечу, были потрясены, узнав, как дряблый старик Аргеол смог добраться до Кесгора и вовремя подоспеть на помощь с парой тысяч рыцарей. Подслушав краем уха, я перескажу вам, всё как было, не изменив ни йоты. В тот самый вечер, когда Гульвион тайно провожал поэта и его спутников к подземному лабиринту, Аргеола посетили недобрые мысли. Осознав, что Заробская армия обречена без инородной помощи, он решил оставить Ламеля и его компанию, и скрылся в гуще леса. Больше мы ничего не знали, вплоть до триумфального появления Кесгорского короля, изменившего исход кровавой битвы. Оставшись наедине с самим собой, старик понимал, что ни один породистый скакун не способен донести его до границ родного королевства к наступлению ночи. Да и жеребцов под руками не было. И он решил вернуться тем путем, который, вопреки судьбе, привел его сюда. Отыскав бурлящую реку, единственную, что протекала с Зареба в Кесгор, он бросился в ее бешеный поток. Такие реки обычно недружелюбно относились к храбрецам, решившим обуздать мощь протекающей воды, и почти всегда пытались столкнуть пловцов с речными скалами, заточенными бурным потоком. Аргеол не хотел умирать, и невероятное желание жить побороло волю природы. Река стремглав унесла короля обратно домой. Однако вид родимых земель не обрадовал его. Когда-то плодородные пшеничные поля теперь, казалось, осиротели. Земли, выжженные летним зноем и растоптанные всадниками, утратили всякую благодать. Ухватившись за прочную ветку выступающей ольхи, Аргеол взобрался на сушу. За скудным лесом, на небольшой возвышенности, стояла знакомая крепость. Врата ее были подняты, рвы заполнены водой, а на стенах всё еще замечались следы кипящей смолы. Несложно было догадаться, что защитники цитадели не так давно отражали серьезную осаду на свой последний оплот. Неподалеку, на расстоянии брошенной стрелы, раскинулись многочисленные черные шатры. Жуткий гул копыт, поднявший клубы пыли немислимых размеров, не давал отчетливо разглядеть кавалерию, постоянно кружившуюся вдоль крепости. Судя по шатрам, внутри замка скрывались друзья, и, дабы помочь им, старик решил тайно проникнуть в лагерь головорезов.

Аргеол добрался до лагеря, когда на дворе уже почти стемнело. Вражеские шатры загорелись факелами, напоминая сумеречную лужайку со светлячками. Незаметно пробравшись сквозь скудную рощу, он изрядно смутился отсутствию лазутчиков вдоль леса. Выглянув

из-за старого орешника и найдя лагерь почти опустелым, он вскоре понял, что головорезы неизвестно сколько времени водили за нос защитников крепости, страша их неисчислимыми шатрами. Армией всадников оказалось огромное стадо скота, загоняемое кучкой наемников. Защитники должны были узнать правду, но вход в крепость охраняло три сотни мародеров. Единственный тайный проход в твердыню, по иронии судьбы, находился прямо перед сборищем головорезов в дупле давно сгнившего гигантского дуба. Поразмыслив, Аргеол решился на очередной отчаянный шаг.

– Весть от Мелзора! – крича, ворвался он напрямиком в толпу убийц.

Заостренные кончики копий и стрел, готовые вонзиться в незнакомца, выпрыгнувшего буквально из неоткуда, медленно опустились, как только убийцы услышали имя своего хозяина. Некий громила с длинной до пола косой вышел навстречу гонцу. Его облик напоминал мертвеца, возникшего из преисподней и облаченного в костяные доспехи.

– Ты кто, старикашка? С каких пор в армии хозяина завелись развалины вроде тебя? – захохотал он, увлекая за собой всех остальных. – Покажи руку.

Король протянул засушенные жилистые руки к предводителю отряда.

– Где метка Далагула? – заорал воин, схватив старика за горло.

Старый король, как и вы, не имел понятия ни о каких метках, бытующих среди головорезов. Но вам я, пожалуй, расскажу, хотя ничего приятного в этом нет. Меткой Далагула считалось клеймо, выжженное на ладони у гонцов. Процесс был неприятным и мерзким. Разве что-то лучшее можно было ожидать от звероподобных мародеров? Аргеол, вынужденный придумывать на ходу, ничуть не потерялся, гордо заявив:

– Я что, похож на прислужника Далагула? Как ты смеешь, падаль, сомневаться во мне. Кто ты такой, головорез, дабы отчитывать меня?! Я послан Мелзором, и если у тебя есть сомнения, то он лично расскажет все подробности твоей отсеченной башке. Так тебе интересно или ты будешь и дальше насмехаться над вестью своего хозяина?

Столь уверенная речь не могла не подействовать на головорезов, и они мигом прекратили насмешки.

– Говори! – сказал главный.

– У меня благая весть. Зарев пал под мощью наших собратьев!

Среди ликующих мародеров волной пронесся звериный вой. Пока воины торжествовали над ложной победой, старик Аргеол незаметно пробрался к старому дубу, куда еще ребенком залезал, вопреки запретам отца. Никто и не заметил дряхлого старика в лохмотьях, окунувшись в хмельной задор. А тем временем король бежал, бежал со всех ног. Темный коридор, изобилующий паутиной различных размеров, говорил лишь о том, что Аргеол был первым за дюжину лет, кто шагал по каменистому полу тайного прохода. Мчащийся в полном мраке, он помнил каждый выступ, каждый камушек на своем пути. Ощувив себя под самой крепостью, старик внезапно стал изо всех сил стучать небольшой каменной глыбой по стенам тоннеля. И не зря. Во время осад, защитниками крепостей обычно выставлялись деревянные бочки, посыпанные на крышках сухим горохом. Любая подземная деятельность, а точнее, вражеский подкоп, мигом замечалась осажденными. Заметив горошины, защитники твердыни всполошились. Последовав за знаками, группа воинов, вооруженных до зубов, натянули тетиву затаив дыхание. За ними последовали и остальные палadini во главе с легендарным Гаранбаром. Тот, положив ухо к каменной кладке, уловил еле заметные стуки, исходящие из места около невзрачной выемки в стене, куда обычно складывались седла. Приказав очистить выемку от упряжи, начальник крепости терпеливо поджидал прорыв мародеров, дабы нанести им сокрушительный удар. Однако удивляло одно: не были слышны звуки многочисленных сапог и ударов переносного тарана – доносился лишь слабый стук, будто тот, кто внизу, тщетно пытался известить о себе. «Мародер так не поступил бы», – подумал рыцарь и, на удивление своих соратников, начал выталкивать камень. После нескольких усилий стена пошатнулась, и из мрака вылез оди-

нокий старик, весь обмотанный паутиной. Опрокинув камень, он со слезами на глазах шагнул вперед, ощущая себя дома.

– Не может быть! – вырвалось у рыцаря: он чуть не свалился на землю от изумления. – Этого не может быть! – повторялся он, узнав в смутных очертаниях облик своего короля. Не задумываясь ни на секунду, Гаранбар преклонил колено перед своим монархом. Прочие рыцари незамедлительно последовали за своим военачальником.

Подняв паладина с колен, Аргеол крепко обнял его, словно собственного сына, и, тихо пройдясь руками по стенам крепости, что-то шептал про себя. Гаранбар всё еще не верил своим глазам, и таращился на него, с неподдельным изумлением

– Вы живи, мой король?!

– Да, жив, Гаранбар! – кратко ответил старик.

– Но как? Все считали вас погибшим тогда, в ту ночь... Но поверьте, мы до последнего были верны вам, вашей светлой памяти.

– Ты истинный сын своего отца. Он гордился бы тобой, — последние мгновения жизни лучшего друга пронесли перед глазами короля. Немного застыв на месте, он словно очнулся от глубоких раздумий. – Скорее! Собираемся! Запрягайте коней. Сколько вас тут?

– Около двух тысяч, – недоумевая, ответил сын Тараблута.

– Выбери пять сотен наиболее опытных воинов. Остальные пусть запрягают жеребцов. Мы едим в Зареб! – твердым гласом приказал Аргеол.

– Но как мы сможем выбраться? Нас осаждают силы, гораздо превышающие наши, – возразил ему Гаранбар, – и каким путем вы добрались сюда? Мы завалили все тайные проходы.

– Видимо, не все, – торопливо ответил ему король. – Некогда объяснять – времени в обрез! Вас водят за нос. В лагере всего триста мародеров. Остальные силы сконцентрированы под Заребом. Если мы выступим сейчас, то сможем подоспеть вовремя!

И, как было уже задумано, небольшая часть защитников во главе с Гаранбаром, спустившись в потайной тоннель, добралась до самого сердца лагеря, выскочив из гнилого дупла, как муравьи. А тем временем головорезы продолжали праздновать победу, ожидая скорейшего возвращения своего повелителя. Заметив Кесгорских рыцарей, убийцы мигом взяли за оружие. Битва была жестокой и не менее кровавой. Подоспевшая на помощь кавалерия Аргеола, начисто истребила головорезов на своей земле. Среди безымянных трупов можно было узнать воина в костяных доспехах, задушенного собственной косой. Оставив разоренный лагерь позади, кавалерия Кесгорцев галопом направилась напрямик в Зареб. Что произошло дальше, мы все прекрасно помним!

– Насколько долгим будет наш путь? – спросил один из рыцарей.

– Деревня манов где-то там, – тонкие пальчики Семриаль указали куда-то за горизонт, – думаю, к полудню мы доберемся туда.

– А не могли они сменить место? Ведь столько времени утекло. Когда ты их в последний раз видела, милая? – поинтересовался Руан.

– Когда попала сюда. Более четырехсот лет тому назад! – ответила хранительница, даже не подозревая, что подобные фразы уже давно раздирали душу Руана, осознавшего скоротечность человеческой жизни.

– Он прав, деревня могла съехать за это время, – вмешался Гаранбар.

Семриаль промолчала. Странное смятение и страх, преследовавшие её с тех пор, когда она впервые задумалась о судьбе деревни манов, всё больше усиливались. Шаманы этой деревни единственные, кто в силах вернуть ее домой. Но, помимо этого, нимфа осознавала бренность земного существования. Деревня колдунов, вопреки её ожиданиям, могла давно исчезнуть, а знания – быть утрачены.

Уже к полудню путники, как и обещала Семриаль, достигли улесья, что расстилалось по ту сторону Мервильского леса, разделенного каменистой гривой Пиларии. По соображе-

ниям нимфы, деревня была уже как никогда близка. Лес, раскрывший всадникам свои объятия, очень напоминал Руану волшебную чашу, и он, недоверчиво приняв гостеприимство, обнажил свой клинок. Несколько воинов по приказу Гаранбара выступили впереди отряда, прочесывая местность на наличие головорезов. Уловив одобрителный кивок, отряд осторожно вступил во владения могучих кедров, которые, казалось, своими гигантскими колоннами удерживали небосвод. Под копытами коней приятным треском хрустели кедровые орешки, в изобилии рассыпанные буквально повсюду. Семриаль, спустившись с лошади, тотчас принялась собирать их, прекрасно зная, что эти плоды могут быть последними на их пути. Руан следом за ней слез с коня, с удовольствием шелкая плодами.

– А что, вкусно и питательно! – приговаривал он, съедая плод один за другим.

– Наполняй мешок как можно больше! – поручила ему нимфа, судорожно собирая всё до остатка.

Руан был изрядно удивлен поведению своей возлюбленной.

– Семриаль, зачем тебе столько орехов? Разве там, куда мы направляемся, нет плодов?

– Боюсь, что уже нет! – отчаянно вздохнула хранительница.

Внезапно тишина сменилась бешеным хаосом. Жеребцы вокруг взволнованно били копытами о землю, а паладины наспех заостряли оружие. Руан и Семриаль недоумевали. Кто-то из рыцарей, под лязг металла, крикнув, – «Засада!» – укрыл чету своим щитом. Было видно, как множество незнакомых воинов с копьями в руках окружили рыцарей. Те, в свою очередь, сомкнувшись в круг, готовы были дать отпор, заслоняя телом наших друзей. Вид незнакомцев ужасал: доспехами им служили волчьи шкуры, а тела были покрыты странными узорами. К счастью, один из таких символов, выгравированный на щеке ближайшего воина, показался знакомыми Семриаль. Не успела вырваться первая стрела из тетивы, не успела пролиться первая кровь, как нимфа, собравшись с силами, закричала:

– Аорромаанна. Деас ко дехер!

Что именно сказала хранительница, было секретом для паладинов и ее возлюбленного. Да и я сам плохо понимаю этот странный язык. Однако услышав знакомую речь, незнакомцы удивленно переглянулись, и тотчас опустили оружие оружие. Семриаль успела! Опоздай она хоть на долю секунды, избежать кровопролития было бы невозможно. После нескольких фраз, брошенных волкоподобным воинам, хранительница, не смотря на строгие предостережения Гаранбара, всё же вышла на встречу, изящно проскочив сквозь живую изгородь. Руан, не дожидаясь, помчался за ней, держа клинок наготове.

– Не вздумай его доставать, что бы ни случилось – шепнула Семриаль. – Я не хочу тебя терять, – и крепко, но с какой-то трепетной нежностью взяла его руку в свои ладони.

Руан молча кивнул головой, и они тихими шагами подошли к воинам.

Вблизи дикари выглядели иначе. Пугливый взгляд, совершенно не сочетающийся с их внешним обликом, выдавал в них неотесанную деревенщину. Столь яркое противоречие вводило в заблуждение разум Руана и всех остальных, кто, затаив дыхание, ожидал их позади. Лишь нимфа хранила спокойствие, и, обратившись к одному из копыеносцев, заговорила на том же странном языке, что и они. После недолгих переговоров Семриаль, с присущим ей детским задором, обернулась к настороженным воинам:

– Не беспокойтесь, друзья, это маны. Они покажут путь к деревне.

– Ты не говорила, что они вооружены, – вырвался из толпы голос Гаранбара.

– Времена нынче не спокойные, видимо, даже для них, – ответил ему Руан, указывая на манов. – Ведь мы тоже не без оружия. Доверься Семриаль!

Путники последовали за воинами манов, шагая по извилистой тропинке, ведущей вглубь леса. По дороге Семриаль тщетно пыталась разузнать хоть что-нибудь о древних ритуалах племени, в особенности про путь в иные миры. Маны отказывались отвечать на вопросы нимфы, указывая пальцем на деревню. Возможно, там их ждал ответ. Где-то через полверсты

между кронами деревьев показался дым, вероятней всего исходящий из деревни манов. Хотя улыбки, назревающие на лицах сопровождающих их воинов, гораздо красноречивее говорили нам о скором прибытии в поселение. И вот наконец показались ворота, ведущие в деревню. Многое изменилось с тех пор, как хранительница в последний раз побывала здесь. Ветхий забор, окружающий поселение и служащий изгородью для домашнего скота, сменился на мощный частокол, сооруженный из кедровых срубов, а сама деревня больше напоминала военный форт. Мирные жители за четыреста с лишним лет превратились в испуганных параноиков. Нимфа молилась, дабы столь кардинальные перемены ограничились этой стеной и обликом мирных манов, не затронув никоим образом их древние магические ритуалы. На пороге воины-проводники вдруг остановили путников, бросив несколько фраз в сторону рыцарей Гаранбара.

– Вы должны остаться здесь! – и, увидев недоумевающий взгляд паладинов, она добавила, – чужаков в деревню не пускают.

– Мой король приказал сопровождать вас до конца! Я не смогу обеспечить вам должную защиту, находясь за пределами этих стен, – настойчиво бормотал командир отряда, стукнув кулаком о сруб.

– Гаранбар, я думаю, это и есть тот самый конец, о котором говорил Аргеол, – ответила нимфа. – К тому же ваши клинки и доспехи не смогут защитить нас там. Это иной мир, с иными правилами.

– Мы все равно будем ожидать вас тут, на всякий случай... – Закаленный в боях паладин не умел притворствовать и его глаза выдавали вероятность иного исхода событий.

Руан, одобрительно кивнув головой, направил взор на нимфу:

– А как же я? Ведь я тоже чужак.

– Для них, может быть, но не для меня, – ласково ответила хранительница, проведя пальцами по нахмуренному лицу Руана. – Пойдем! – тихо добавила она.

По ту сторону деревянного сруба кипела суетливая жизнь. Деревня манов уподобилась многолюдному островку посреди кедрового океана. Размеры этого поселения не на шутку увеличились за пару сотен лет. Некогда невзрачная изба, где доились несколько коров, нынче превратилась в крупную сыроварню, а кузнечный дом искрился, словно неугомонный вулкан, от тяжелых ударов мастеров. Неподалеку от лавки травницы, куда сразу же поспешила Семриаль, стояли вооруженные воины, окружив какое-то строение. «Может это и есть хижина колдуна?» – призадумался Руан. Но он ошибся. Хижиной колдуна оказалась невзрачная хибарка, затерявшаяся среди остальных жилищ. Один из воинов осторожно постучался, что-то проговорив на своем языке. После небольшой паузы голос изрек несколько обрывистых фраз – и воин наспех стал обыскивать Руана.

– Не смей! Это мой клинок! – возмутился Руан, когда тот протянул руку к сверкающему кинжалу, вышедшему из-под умелых рук гнома-кузнеца. – Ты знаешь, сколько это стоит? Да у вас таких и не делали!

Однако нежная рука Семриаль заставила Руана разжать кулак и с огромным нежеланием уступить ману.

– Он вряд ли сможет ответить на этот вопрос, – усмехнулась нимфа. В этой деревне нет понятия денег. А этот клинок можешь подарить ему. Там, куда мы идем, он не пригодится.

– А как же зло? – возразил Руан.

– Зло этим не победить, – указала она на оружие. – В каждом из нас заложена гораздо большая сила, а люди, давно позабывшие об этом, придумали себе мечи и копья.

Руан утвердительно кивнул головой. Он знал, что Семриаль права, и в глубине сердца чувствовал эту силу. К тому же отказать изумрудным глазам своей возлюбленной было просто невозможно. После выдачи оружия воин, наконец-то, пропустил их в хижину.

С виду крошечная, лачуга была довольно просторной изнутри. Огромное количество зелья и магических порошков стояло на обширных полках, покрытых толстым слоем пыли.

Вероятнее всего, шаман редко пользовался всякими смесями. Стены дома украшали шкуры северных хищников. Они были повсюду. Создавалось впечатление, будто находишься за пазухой гигантского медведя. Приятный треск смолы в камине радовал слух, согревая больше душу, нежели тело. Вроде всё! Хотя нет, посреди комнаты стоял еще деревянный столик с горячим отваром. Обильный пар, исходящий из емкости, красноречиво говорил о его свежести. Однако того, кто его варил, не было видно нигде. Руан первым прошагал вперед и, подобно любопытному ребенку, стал осматриваться, касаясь неугомным пальцами всего подряд.

– Не трогать, мальчишка! – прозвучал из неоткуда внятный для Руана голос.

Руан, дрогнув, отвел руки, безнадежно выискивая хозяина голоса. Тогда широкая меховая накидка, заслоняющая единственное окно, повернулась в их сторону. На удивление нимфы и ее спутника, шаманом оказался мужчина средних лет, еще не успевший застать седину на своих волосах.

– Мы пришли с миром! – изрекла Семриаль, приветствуя колдуна манов.

– Я знаю, зачем вы здесь, – прервал ее охрипший голос шамана. – Вам нужен проводник в иной мир?

– Домой! – уточнила нимфа.

– Для тебя это дом, а для него? – указал он на Руана.

– Для меня дом там, где моя возлюбленная.

– Опрометчиво, замечу, – усмехнулся колдун. – Особенно для того, кто понятия не имеет, что это за мир, что кроется за каждым его кустом, за каждой веточкой.

– Так вы откроете портал? Когда соберутся остальные шаманы? – с душевным нетерпением промолвила хранительница.

– Я – единственный шаман.

– А где же все остальные шаманы, ученики, где все?!

– Вам меня недостаточно? – нервно бросил он в сторону своих собеседников. Но после, придя в себя, заговорил иначе. – Я извиняюсь, хранительница. Последнее время множество неприятностей обрушилось на нас. Сначала стая волков напала на деревню, унеся за собой немало жизней, потом град уничтожил наш урожай, а сейчас в лесу появились незнакомцы с зазубренными мечами. Они уже несколько раз пытались проникнуть в деревню.

– Это отморозки Мелзора! – вырвалось у Руана – Что им нужно?

– Так вы их знаете? Неужто именно вы привели их за собой? – гневно проворчал он в сторону юноши.

– Они немало бед натворили и в наших краях. Не мы их привели сюда, колдун, – суровым голосом ответил ему Руан. – Так что им нужно от вас?

Шаман некоторое время молчал. Но вскоре наши друзья дождались ответа:

– Наши припасы! Вы видели невысокое здание, охраняемое воинами? – увидев утвердительный кивок, он продолжил. – Это амбар. Все запасы находятся там. Без них мы не переживем зиму...

– Следовательно, не переживут и они, – продолжила мысль Семриаль

– Зачем вы нам рассказываете это? Деревня окружена стенами, так что вам мешает защищать свое? Мы пришли ради портала, – в недоумении сказал Руан.

– Это не самое главное, юноша. Несколько дней назад небольшая банда убийц все же сумела проскочить мимо наших часовых и устроить переполох и пожар. Пока жители тушили огонь, кто-то из них перерезал всех шаманов. Всех, кроме меня. Я помогал жителям и, сам того не зная, избежал участи своих собратьев. Вдобавок, из тайника исчезли ритуальные манускрипты, что веками хранили мудрость манов. На следующий день один из наших воинов был найден заколотым и прибитым к дереву гарпуном. В руках он сжимал клочок пергамента... Головорезы требовали все наши запасы взамен на манускрипты. А без них я не смогу вас переправить в иной мир. Увы!

Друзья были в замешательстве.

– Вы хотите, чтобы мы сами их вернули? – спросил Руан.

– В бою эти незнакомцы бьются, словно необузданные звери, и мои соплеменники не способны сражаться с ними на равных. Они не воины, а обычные деревенские жители. – После небольшой паузы полной нерешительности, он все же вымолвил – Мне сообщили, что вы прибыли с отрядом закаленных рыцарей.

– Так вот чего стоит ваша аудиенция! – воскликнул Руан, словно застав грабителя на месте преступления.

– Почему бы и нет? – пожал плечами мужчина

– Мы не можем рисковать их жизнями! – взволнованно возразила нимфа, взглянув, однако в глаза возлюбленного и безмолвно требуя поддержки. – Их прислали сопровождать нас до деревни, и они выполнили свою задачу. Рассчитывайте только на нашу помощь!

– Как же глупо терять такую мощь... – пробормотал про себя шаман, прежде чем обрушить злость на двух, как он полагал, крайне неразумных гостей – Вас обоих поймают и зарежут как кроликов. Вы до сих пор этого не поняли? Либо вы рискуете вашими рыцарями и достаете манускрипты, либо отправляетесь обратно, – недружелюбно выразился колдун.

Руан и Семриаль, души которых разрывались от сомнений, молча последовали к двери. Они не могли рисковать жизнями тридцати славных паладинов. Однако пленение ее народа в Асмикраниле, словно кошмарный сон, не давало Семриаль покоя, каждый раз появляясь перед ее взором. Голоса неустанно звали ее домой. Нимфа знала, что сей путь, будет долгим и невероятно сложным. И, наверняка, потребует нечто не менее ценное. Потребуется жертв. Даже зыбкая вероятность потерять его, волною глубочайшего отчаяния, пронеслась по ее душе, нещадно разрушая песочные башенки. Каждый наивно полагает, что чужая жизнь, за которую мы готовы ухватиться в бушующем океане жизни, хрупче собственной. И потеряв ее, мы канем в серую бездну, сродни бесформенному илу. Она искренне желала отгородить Руана от всего опасного, надеясь согреться мыслями о нем, согреться, будучи уверенной в его здравии. Но Руан единожды поклялся. Еще тогда, в башне, обернувшись назад под натиском огненной струи Эльды, он увидел чудесный силуэт еще недавно потерянной нимфы и дал обет— никогда более не оставлять ее. Его любовь к Семриаль была сильнее ее чар и убеждений. Нимфа, конечно же, об этом знала. Она знала много чего. Хотя... Кроме одного, того, что их ждет впереди. Они сделали незначительный шаг навстречу опасностям, а обстоятельства уже потребовали первых жертв. Думая обо всем этом, чета огорченно приближалась к порогу, как вдруг Семриаль осенило:

– Вы лжец! – уверенно заявила она, обращаясь к шаману.

Руан был искренне изумлен, он не понял свою возлюбленную. Удивился и колдун, провожавший взглядом безнадежных путников.

– Вы, может, отменный лгун и рассказчик, но никакой вы не шаман. Куда делись настоящие мастера? – продолжила Семриаль.

– Ты смеешь сомневаться во мне, хранительница? – он хотел было кинуться на нимфу, но Руан мигом заслонил ее своим телом. Как же пригодился бы ему сейчас кинжал, который он отдал ману.

Колдун, однако, быстро остыл. Мериться силой с коренастым юношей, готовым отдать свою жизнь за эту хрупкую деву, он не осмелился. Отойдя несколько шагов назад, вновь заговорил.

– Зачем мне вам лгать?

– Я не знаю, – ответила нимфа. – Но знаю, что маны на протяжении долгих столетий берегли знания, данные им высшими силами, в самом надежном тайнике – в своей голове. Не одна сущность, подобная мне, не способна заглянуть в их, так называемые, манускрипты.

Не было никаких потерянных рукописей. Истинных шаманов тут нет уже давно, – она указала на пыльные полки.

– И запах гари я не почувствовал, – наконец вдумался Руан.

– Именно, – согласилась нимфа.

– Но... как тогда я... – колдун хотел было что-то сказать.

– Как вы узрели Руана из-за спины? Достаточно взглянуть в отражение из окна! Так кто вы?

Шаман молчал. Глаза его покраснели, точно налились кровью. Неустойчивыми шагами он подошел к столу и присел. Немного глотнув уже остывшего отвара, он глубоко вздохнул, призвав гостей подойти поближе.

– Ну, что ж, хранительница, вы хотели узнать правду? Предупрежу заранее, что она вам вряд ли понравится. Я не шаман. И никогда им не был! – томно изъяснил он. – Шаманы, которые могли бы переправить вас домой, давно погибли. Мне очень жаль.

Семриаль из последних сил старалась изгнать из головы предостережения друзей. И теперь, услышав сожаление из уст самозванца, который оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал, она потеряла веру. Ее разум отказывался воспринимать естество этого мира. Ведь мир, откуда она родом, оставался неизменным тысячелетиями. Глаза с еле заметной искоркой обратились к Руану. Никогда еще он не видел свою ненаглядную столь отчаянной.

– Как же так? – вырвалось у Руана.

– Не прерывай меня! Я ещё не закончил, – резким тоном крикнул самозванец на своего собеседника. – Все произошло много лет назад, когда меня, еще мальчишку, взяли под опеку великие мастера колдовства. Шаманы нашего народа только изредка выбирали юношей из деревни и обучали их в течение двадцати лет всем знаниям, передаваемым от поколения к поколению. После окончания учебы подмастерья становились полноправными шаманами и защитниками нашего рода. Имея столь великую силу, они могли управлять силами природы. Еще не так давно наша деревня была окутана чарами этих колдунов. Множество волчьих стай охраняло здешние леса, не подпуская в чащу никого, в чьем сердце таилось зло. Нам не нужны были ни высокие ограды, ни оружие. Но в одночасье все изменилось... – он перевел дух. – Несмотря на свое пристрастие к магии и неутомимой жажде к знаниям, я, однако, был наивным глупцом и сотворил необратимое. – В его голосе были заметны явные упреки и нескончаемые обвинения по отношению к самому себе. Память о былом не доставляла ему удовольствия. Но, вопреки всему, он продолжил. – Однажды я заметил, как шаманы после долгих занятий зачистили в некую хижину, что располагалась на окраине нашего леса. Каждый день кто-нибудь из двенадцати шаманов охранял вход в нее. Моя любопытная натура не смогла остаться равнодушной, и после учебы я часами проводил время на холме, стараясь хоть как-то разузнать так тщательно хранимую тайну. Я видел, как визиты колдунов в одинокую избу учащались с каждым днем. Приблизиться туда означало потерять все! Я боялся, старался выбить из головы навязчивую мысль – хоть краем глаза заглянуть за загадочную завесу. Вскоре я понял, что жить так более не смогу, и придумал план. Каждую ночь, а точнее, ближе к рассвету все двенадцать шаманов собирались в лачуге, и на несколько минут магия, оберегающая тайное место, ослабевала. Воспользовавшись случаем, я выждал нужный момент и незаметно пробрался на крышу хижины. То, что я увидел через гнилую щель, поразило меня до конца моих дней. Мои учителя сумели осуществить яркую мечту многих канувших в историю алхимиков. Под скупое мерцание единственной свечи я узрел гомункула! – и он притих.

Руан скрестил брови, не поняв, о чем говорит человек в мехах. Но, судя по выражению лица нимфы, то, о чем говорил рассказчик, не было чуждо ее слуху.

– Гомункул – человекоподобное существо, созданное неестественным путем, – уточнила Семриаль, увидев озадаченное лицо своего возлюбленного.

– Так вот, – хриплый голос вновь продолжил, – ошарашенный столь великим открытием, я побежал в деревню. – Глупец! Глупец! – бранил я себя, – и рассказал увиденное своему отцу... Далее все произошло будто в кошмарном сне. В один миг все жители деревни, словно обезумевшие, с факелами и вилами в руках направились в сторону хижины. Кто-то из них, возможно, и мой отец кричал: «Они осквернили природу!». Тогда я ничего не понимал... Только после случившегося мой разум осознал, почему мои учителя так тщательно берегли существо от простых человеческих глаз. Толпа с воинственными криками напала на колдунов. С наступлением рассвета все было кончено. Жители деревни сами не поняли, что натворили. Заколов колдунов, они обнажили чашу от чар шаманов и, самое печальное, потеряли древние знания. С тех пор на нас начали сыпаться всякие беды. Мы стали беспомощны к болезням, и превратились в жертву для самой природы, которая до сих пор мстит нам за содеянное. Вдобавок еще эти мародеры! Один я остался, кто хоть как-то изучил силу шаманов. Недоколдун! – иронично произнес рассказчик – Но этого далеко недостаточно! Теперь единственная польза от меня – это знахарство. Жители, конечно, сожалели о содеянном. Но есть ли в этом толк? – негодовал он.

– Зачем вы нам это рассказали? – спохватилась нимфа. – Зачем, если нет никакого шанса?

– А, может, он думает, что мы будем рисковать жизнью за их ошибки? – язвительно вымолвил Руан. – Идем отсюда Семриаль, ему нечего больше добавить!

– Постойте! – остановил их лжешаман. – Возможно, выход есть, но он настолько призрачен...

– Что за выход? – вырвалось у нетерпеливой нимфы, уже потерявшей всякую надежду.

– Гомункул, – и после паузы он вновь произнес. – Гомункул! Среди трупов колдунов существо не нашли. Один из моих учителей говорил, что где-то в горах, неподалеку от нашей деревни, есть тайник. Тело последнего шамана нашли где-то поблизости. Вероятнее всего, он и спрятал гомункула. Я убежден, что они научили его всему.

Узнав столь благую весть, Руан и Семриаль словно воспарили.

– Как найти этого гомункула, и почему вы до сих пор его не нашли? Жив ли он вообще? – поинтересовалась нимфа.

– Хороший вопрос. Жив он или нет – мне не известно. Но это единственный путь домой, хранильница. Вы обязаны его испробовать. Вдруг гомункул до сих пор там? Хотя повторю, что мои предположения довольно призрачны. Всё, что я знаю – это загадка-ключ к тайнику, расшифровать которую я не решился за эти годы: я боялся встречи с ним, боялся заглянуть ему в глаза и увидеть в их смутном отражении убийцу. Может, вам это удастся!

Он опустил веки и, покачиваясь на месте, произносил про себя невнятные слова. Зверь, которого несчастный поселил в сердце, поедал его изнутри. Чета какое-то время ожидала дальнейших действий своего собеседника. Только вот какое-то странное молчание хранил знахарь.

– Ну, где же загадка? – не вытерпел Руан.

– Загадка здесь! – ткнул он пальцем себе в висок. – А получите вы ее только после того, как поможете мне и моей деревне! – заключил он.

– Продолжай! – резко вымолвила Семриаль.

Знахарь поднял голову и пристально посмотрел на них, пронзая взглядом до глубины души. Немного подумав, он ответил на вопрос нимфы:

– Скоро наступят холода, и в этих краях останемся либо мы, либо мародеры. Я желаю, чтобы вы раз и навсегда покончили с этой напастью. Как вы это сделаете, меня не касается. Деревня не выживет до зимы, и это единственное, что я знаю наверняка. А теперь идите!

Выйдя наконец-то на свежий воздух, Руан и Семриаль в сопровождении того же самого мана, уже успевшего нацепить себе на пояс сверкающий клинок, направились к главным вратам, где их поджидал Гаранбар со своим небольшим отрядом.

– Ты ему веришь? – шепнул Руан своей возлюбленной. – Что ему стоит обмануть нас еще раз?! Тем более, что мы его последний шанс. Он хочет искупить вину перед деревней.

– Не могу объяснить тебе, но что-то внутри заставляет меня верить ему. Я видела его безумные глаза, слышала еле заметную дрожь в голосе. Такое не сыграть... Разве можно подделать наши взгляды, наше молчание, что красноречивее тысячи слов, можно ли придумать теплоту твоих рук, твои ласковые слова? Они подобны бурному ручью, не видящему никаких преград, – нимфа застенчиво улыбнулась, спрятав изумрудные очи под покровом золотых ресниц, уподобившихся игривому оттенку ранней осени. Руан, прижав ее к себе, тихо шепнул:

– Я люблю тебя...

Эти фразы нежной мелодией просочились сквозь рыжие локоны, подобно кулисам, затмевающим юное личико нимфы. Им хотелось застыть на целую вечность в приливах нежности. Но внезапно знакомый голос отвлек их. Это был Гаранбар, с нетерпением ожидающий своих подопечных.

– Я надеюсь, вы вернулись попрощаться? – но, пристально взглянув им в глаза, он продолжил – Очевидно, нет!

И друзья принялись рассказывать безвыходную, по их пониманию, ситуацию. Иссечь в одиночку пару сотен мародеров было просто небылицей. К тому же отправлять на честный поединок горстку Кесгорских паладинов, хоть и самых лучших, против полчища головорезов, подразумевало верную гибель. Они впали в глубокое раздумье. Единственный путь в логово убийц простирался вдоль козьей тропы, что вела наверх к горе Оглух. По ночам гора устрашающе сияла, облаченная огнями от жилищ мародеров.

– Нам не победить их мечами! – вдруг вырвалось у одного из воинов.

После сказанной фразы рыцарь, сам того не зная, направил мысли своего командира в правильное русло, и именно тогда Гаранбару пришла в голову хитроумная мысль.

Пока наши герои обсуждают его гениальную идею и взвешивают силы, я вам расскажу, что именно задумал Кесгорский паладин. Отчаянно ломая голову в замкнутом круге, Гаранбар внезапно понял, что не обязательно встречаться с головорезами на поле брани. Его покойный отец, обучавший сына ратному делу, часто твердил одну и ту же фразу: «Главное в бою не то, сколько врагов ты погубил, а то, сколько соратников уберег». Сделав вывод из отцовских слов, он решил пойти на хитрость и отдать головорезам всю провизию, предназначенную для зимовки, предварительно отравив бочки с элем. Далее, по замыслу паладина, он и его воины должны были тайно пробраться в лагерь недругов, укрывшись в многочисленных бочках с провизией, и истребить остатки гнилых душ. Звучит впечатляюще, правда? Гаранбар прекрасно знал: первое, на что обратится ненасытный взор мародеров, это отравленный эль и куски оленины. Однако на глупость головорезов он рассчитывать не мог. Возникла первая проблема: в случае дегустации напитка, яд не должен был выдать себя мгновенно. Те, кто его распробовали, должны были в здравии добраться до лагеря. Как именно тридцать здоровенных воинов в бочках смогут незаметно проскочить мимо взора мародеров, он тоже не знал. Его терзали сомнения, пока в разговор не вмешалась Семриаль.

Стала темнеть. Многочисленные огоньки Оглуха вновь ожили, подобно тлеющим зрачкам демонов, наблюдающих с горы за своими жертвами. Один из манов, наиболее храбрый, отважился отнести мародерам письмо о передаче всей провизии. В целях безопасности лишь немногие были осведомлены о замысле Гаранбара. Жители деревни в недоумении и в полном испуге собирали припасы, рыцари точили мечи; и только в хижине знахаря не спеша варились два котла. Семриаль то и дело гоняла знахаря за снадобьями, что без дела пылились на полках, а Руан с детским любопытством наблюдал за едкой жижей, ежеминутно меняющий свой цвет.

– Не подходи слишком близко! – обратилась к нему Семриаль. – Иногда достаточно и пара.

– Насколько сильным получится зелье? – поинтересовался Руан.

– Достаточно сильным, чтобы свалить с ног этих мерзавцев, – вдруг вмешался знахарь. – Полагаю, хранительница знает свое дело. Еще мухомора?

– Нет! Достаточно!

Через некоторое время зелье было готово, как и провизия, загруженная в повозки с мулами. Тридцать дубовых бочек, специально выделенных для отряда рыцарей, покорно ожидали своих седоков. Гаранбар, нетерпеливо томясь у порога хижины, все еще мутно представлял себе, как именно нимфа задумала укрыть их от вражеских глаз. Однако его изнеможению настал конец, когда наши друзья вышли из лачуги знахаря.

– Всё готово! – гордо сказал Руан, – это вам...

– Нет, нет, нет! – нимфа торопливо отобрала сосуд из его рук. – Ты перепутал.

Руан смущенно передал сосуд своей возлюбленной, небрежно выронив «Ой!».

– Так вот, сосуд с прозрачной жидкостью – это сильнейший яд, не имеющий ни вкуса, ни запаха! – пояснила Семриаль. – Достаточно выпить глоток – и гибель неизбежна. Единственное, что потребуется от вас, это выждать до рассвета. Надеюсь, за это время все успеют попробовать эль.

– А...

– А второй сосуд, – перебила нимфа командира паладинов, не дав ему даже разинуть рот, – с бирюзовой жидкостью, – предназначен вам. Это зелье – хамелеон. Однако, к несчастью, его действие не столь долговечно.

– Сколько именно? – поинтересовался кто-то из рыцарей.

– Всего пару часов. Этого будет вполне достаточно, чтобы незаметно пробраться в логово бандитов. Но, самое главное, точно следовать инструкциям.

– Я слушаю, Семриаль, – вымолвил Гаранбар.

Каково было его удивление, когда нимфа потребовала от рыцарей снять с себя все доспехи и остаться лишь в кожаных туниках.

– Но как мы будем сражаться? – возмутился предводитель паладинов.

– Это зелье не скроет ваши железные щиты и доспехи. Кроме того, речь не шла об открытом бою. После действия яда вам нужно лишь пройти среди трупов и добить выживших. Разве не так ты изложил свой замысел?

Гаранбар молча кивнул головой, не меняя серьезного выражения лица, сохранившегося с тех самых пор, как он задумал свой план.

– Второе условие – ничего не есть после принятия зелья. Любая пища может ослабить действие микстуры. Советую уже сейчас вдоволь напиться воды и перекусить.

– Мне кажется, есть и третье? – шутливо буркнул Гаранбар.

– Да, есть! Перед принятием эликсира вы должны определиться, во что именно превратитесь. Зелье полностью изменит вашу сущность из плоти и крови в то, что вы будете держать в руках. Советую не пренебрегать корнем сельдерея, петрушки, капустой, а также всем тем, что не привлечет аппетит мародеров.

Не успел было Гаранбар утвердительно кивнуть головой, как из сторожевых башен послышался предупредительный горн.

– Они уже здесь! – с предвкушением проговорил знахарь.

Спустя некоторое время всё было готово: яд неугомонно бурлил в янтарных пузырьках эля, а рыцари, превратившись в нечто странное, удобно разместились в бочках. Скажу вам искренне, то, во что они перевоплотились, было поистине изумительным зрелищем. Единственное, с чем я могу сравнить последствия волшебного зелья, так это образы из полотен

моего старого знакомого Джузеппе Арчимбольдо. Медовые, капустные и тыквенные рыцари просто идеально скрылись в днищах старых бочек.

Итак, настало время. Маны неторопливо загнали повозки с мулами прямо к главным воротам деревни, где их уже поджидали полсотни вооруженных до зубов мародеров, хищным взглядом пялящихся на свои жертвы. Лишь высокие частоколы и предвкушение скорой добычи удерживали голодных зверей в узде. Внезапно среди этой животной черни показался некий старик – полурослик, совершенно не вписывающийся в образ головореза. Он с сомнительным выражением лица стал проверять содержимое бочек, открывая их одну за другой. Семриаль и Руан в испуге затаили дыхание, страшась его чуткого взора. Все обошлось, подумали друзья, когда седовласый, одобрительно кивнул головой в сторону мародеров, и скрылся в их непробиваемой толпе. Чета облегченно вздохнула, освободив себя от терзающих волнений. Теперь предстояло ждать, доверившись животным инстинктам головорезов, и надеяться на удачу. Но, как оказалось, это не было концом. По каким-то соображениям старик вновь появился среди могучих рядов. На этот раз в руках он держал небольшой деревянный молот и кружку. Подойдя поближе к бочкам эля, он резким ударом выбил пробку, и золотистый напиток с белоснежной пеной пролился прямо в кружку. Семриаль на этот раз ничуть не обеспокоилась. Ее зелье не имело вкуса и запаха, поэтому вряд ли какой-то дряхлый старик смог бы определить наличие смертоносного яда. Тем более, что яд не обладал мгновенным действием. Сдув пену с кружки, старик долго взирал на янтарную брагу, нюхал ее, болтал под лунным светом. Затем, подняв голову, он плотнее подошел к манам, выискивая кого-то в толпе своими мелкими игристыми зрачками. Старик смотрел на каждого, прищуривая морщинистое лицо, немало повидавшее за свою долгую жизнь. Вдруг их взгляды встретились.

– Ты! Выйди ко мне. – Властным голосом произнес он, указывая в сторону Руана.

Сердце нимфы приостановилось, она из последних сил сжала руку своего возлюбленного, давая понять, что не отпустит его никогда.

– Тише, любовь моя. Всё будет в порядке, – шепнул он Семриаль. – У тебя же есть противоядие?

Она кротко кивнула головой, не имея сил произнести и слово.

– Не бойся. Я знаю, что он задумал. У него ничего не выйдет, – вновь шепнул Руан, успокаивая возлюбленную своей доброй улыбкой. – Отпусти, иначе они заподозрят неладное.

И Семриаль разжала ладонь. Руан, пробираясь сквозь толпу манов, подошел к старику. Тот, не отрывая хищные зрачки от Руана, протянул ему кружку с элем. Руан, выхватив чван, испил его содержимое до последней капли с таким удовольствием, будто сей напиток был последним в его жизни. Положив кружку на бочку, он направился было обратно, как тот же самый голос остановил воина:

– Я тебя еще не отпускал! – грозно закричал старик – Юноша пойдет с нами. Если до прибытия в лагерь он не протянет ноги, то мы его отпустим. Я обещаю, – обратился он к манам.

Руан, Семриаль и все, кто хоть как-то понимал речь этого старика, прекрасно знали, что не стоит верить словам мародеров. Стоя там, лицом к своей единственной, Руан созерцал застывший взгляд и понимал, что видит ее в последний раз. Он глядел на нее, стараясь запомнить Семриаль такой, какая она была сейчас – непорочной, доброй и такой любимой. Изнурительная, тупая боль теснила его душу, сжимая все внутри. Нетерпеливое сердце нимфы готово было вырваться из груди, и с очередным дуновением ветра раствориться в его отравленном теле. Одна лишь мысль о жизни без Руана ввергала ее в ужас. Словно душа возвращалась вспять, словно воздух перестал существовать. «Руан, но почему ты вышел к ним. Ты обещал, что все будет хорошо. Вернись милый, заклинаю тебя, вернись!» — кричала она безмолвно, где-то в дремучих закоулках сознания. Еле заметная дрожь на ее губах уже готовила наговор, дабы спасти своего возлюбленного, как вдруг жилистая рука прикрыла ей рот.

– Не делайте этого, хранительница, – вымолвил знахарь.– Вы подвергаете опасности жизнь тридцати паладинов. Молю вас, хранительница. Гаранбар спасет его. Он все слышит. Молю вас! Вы не потеряете его.

Она не слышала посторонних слов. В ее голове эхом отражалось имя своего ненаглядного. Как же больно было осознавать грядущую потерю. Потерю своей неотъемлемой частицы. Той самой, для поиска которой порой требуются века. Заранее предугадав намерения нимфы, Руан тихо покачал головой, запрещая Семриаль делать что-либо. Почувствовав в воздухе еле уловимый аромат благоухающих локонов своей возлюбленной, пропитанных лепестками полевых цветов, он закрыл глаза и, глубоко вздохнув, повернулся к ней спиной. Обуздав в себе наплыв ярости, она беспомощно взирала, как коренастый силуэт в окружении бывалых убийц покидает ее, исчезая в ночной темени.

ГЛАВА II

Долго еще глядела нимфа на беспроглядную мглу, тщетно стремилась уловить незримые очертания своего возлюбленного. Он исчез... Будто и не было его никогда. Словно не было никаких фраз, не было обещаний никогда более не оставлять ее. Всё происходившее казалось вышедшим за грань естественного бытия. Ведь он еще в начале пути обещал более не покидать ее. Теперь эта пустота, отдающая невыносимой болью, заражала душу, словно яд, текущей сейчас в жилах Руана. Семриаль знала, что жить ему осталось недолго, знала, что паладины, как бы они того не желали, не сумеют спасти Руана. Знал об этом и Руан, прощающийся с ней взглядом влюбленного безумца. Смертельное зелье погубит ее возлюбленного гораздо раньше, чем его испробуют головорезы. Впрочем, некая толика надежды не оставляла нимфу. И этой толикой была она сама. Сжав руки в кулак и не теряя ни минуты, дева устремилась в хижину, где всё еще остывали два котелка.

Пока Семриаль ветром мчалась вглубь поселения, небрежно сбивая с ног прохожих манов, я переведу ваше внимание к обозам, медленно поднимающихся на гору Оглух. Узкая козья тропа, ведущая в лагерь головорезов, была сплошь укрыта факелоносцами, пожирающими одним лишь взглядом, содержимое повозок. Впереди сего шествия вели Руана, привязанного за шею к всаднику. Веревка, впившаяся в тело, уже успела до крови разодрать горло бедного пленника, изо всех сил показывающего свою бодрость. К счастью или нет, гора Оглух была не столь высокой (обычно подобные возвышенности можно было спутать с внушительным холмом), и вскоре измученный Руан добрался до лагеря чертил. Неровный часток, наспех вырубленный из первых попавшихся деревьев и украшенный многочисленными гниющими черепами без скальпа, вызывал панический ужас и столь же сильное отвращение. Не трудно было догадаться, какая именно судьба постигнет Руана. Он с иронической ухмылкой, навеянной безысходностью, заметил себе место между двумя иссохшими головами. Но если Гаранбар все-таки сумеет истребить этих мерзавцев, то примеченный им кол останется пустым. А стоит ли ему беспокоиться? Мертвецы свободны от подобной суеты разума. Тем не менее, бочки, полные отравленного эля и тайный груз не давали надежде безвозвратно угаснуть. Он лихорадочно шептал имя своей возлюбленной, наивно полагая, что это придаст ему сил. Но что тогда двигало им, если не сама любовь?! Вскоре ветхие врата адского пристанища распахнулись, и караван вновь тронулся с места. Навязчивая трупная вонь смешивалась с запахом гари и стали. Узрев колонну повозок, головорезы кинулись к ней, сдавливая друг друга в бешеной давке. Еще немного и, казалось, их прожорливость смела бы запас целой деревни в мгновение ока. Однако звонкий визг кнута в сторону озверевших от голода мароде-ров, на удивление, остановил их. Вероятнее всего, хозяина своего они боялись больше. Вскоре толпа поспешно расступилась, создав небольшой коридор. Замолчали все. В конце этого столпотворения появилась тучная и, на первый взгляд, неуклюжая фигура, облаченная в кожаные латы. Впрочем, и после второго взгляда впечатление не изменилось. Предводитель мароде-ров больше смахивал на зажиточного торговца специями, нежели на закаленного воина. Черная, словно смола, борода была заплетена в толстую косу, украшенную медвежьими клыками. Татуировки, что должны были пугать одним лишь своим видом, давным-давно растянулись на его толстом теле и выглядели довольно нелепо. Лишь глаза, искрящиеся адским пламенем, выдавали его истинную сущность убийцы. Он неспешно подошел к бочонку, достал серебряный рог, чтобы испробовать его содержимое, но тут внезапно из неоткуда появился тот самый полурослый старик. Он быстрыми шагами щенка подошел к толстяку и начал что-то бормотать ему на ухо, периодически показывая на пленника. Предводитель разочарованно передал рог одному из воинов и, поднявшись на деревянный пьедестал, заранее принесенный для него, начал свою речь:

– Мои верные воины, сегодня мы получили шанс выжить. Победа врага не была окончательной, и мы не остановимся, пока не вырежем весь их род. Наш враг позабыл, что мы семена войны, и скоро из этих семян вырастит целая армия! – раздались боевые возгласы, головорезы, подняли над головой клинки и топоры, рычали, словно истинные звери. Затем они вновь затихли.

– Эпоха Далагула была славной и великой. Память о нем вечно будет чтиться в героических сагах. Но грядёт новая эра, и я, Кломнут, поведу вас к новому величию. Мы должны... – и дальше бла, бла, бла... И тому подобная чепуха. Не буду мучить вас пафосными речами о светлом будущем. Пока тучный оратор промывает мозги своей черни, я попытаюсь познакомиться с этим далеко не приятным, однако, харизматичным типом. Как вы уже догадались, зовут его Кломнут, Кломнут Душегуб. Он был сводным братом сгнувшего под Заробом Далагула. Однако не спешите думать, что скоропостижная смерть брата слишком омрачило его. Наоборот, живший под постоянной тенью брата-воина, он не имел никаких шансов выбиться в лидеры. Тем не менее, всё сработало в его пользу, и он был этому исключительно рад, несмотря на то, что из целой армии осталась лишь незначительная горстка: жаждущим господства все равно, над кем и где властвовать. Была бы власть... А Душегубом его прозвали не за налеты и войны, а за чрезмерную жестокость с пленниками. Дабы не отставать от воинственного брата и хоть как-то компенсировать свою трусость, он жестоко расправлялся с военным трофеем, придумывая изощренные методы казни, с замиранием сердца всматривался в изуродованные судьбы невинных людей. Думаю, я достаточно рассказал вам об этом жалком выродке. Тем более, что он, наконец-то, заканчивает свою затянутую речь. Так вот, после своего лепета он громко произнес о пире в честь добытой провизии, сам испытывая нетерпение испробовать вяленой оленины с элем. Воины тут же с ликованием принялись к приготовлению пиршества. Впервые после сокрушительного разгрома под Заробом они смогут поужинать вдоволь. Как и предполагалось, бочки, забитые сельдереем, цветной капустой и прочими овощами, отправились прямым ходом в амбар, не удосужившись внимания головорезов. А мясо и эль выгрузились прямо у стола, наспех сооруженного из мечей и щитов. Долго еще вертелся Кломнут вокруг Руана, яро доказывая седому коротышке про его здоровье. Руан уже ощущал нечто неладное в своем сознании. Голова помалу начинала кружиться, а взор – мутнеть. Но наш герой держался и, наконец, в награду ему, терпение вожака иссякло, и он, не смотря на все предостережения старика, жадно испил пенистого эля. Вслед за ним испили и другие мародеры. Открою вам маленький секрет, который я смог подслушать во время беседы Кломнута со стариком. Когда седой недомерок отговаривал вожака от излишнего расточительства, пытаясь растянуть провизию на всю зиму, тот отмахнулся, шепнув, что в деревни манов достаточно мяса, имея ввиду их жителей. И так, не смотря на уговор, мародеры непустили Руана, бросив его в небольшую темницу. По настоянию старика один из мародеров, хоть и против воли, но остался следить за его состоянием. Руан понимал, что стоит ему сдаться и упасть от невыносимой боли, вся затея потеряет смысл: заподозрившие неладное, головорезы сожгут всю провизию вместе с тридцатью храбрыми паладинами. Еле удерживаемая дрожь в руках плавно переходила к ногам. Адская боль в костях и словно разъедающие желудок колики требовали героической выносливости и воли. Даже крепкий здоровяк, имеющий недюжинную силу, вряд ли устоял бы и пять минут. Но Руан продолжал стоять. И, мало того, из последних сил он выдавливал из себя широченную улыбку, подчас посвистывая деревенские напевы. Одна лишь мысль о нимфе не позволяла ему сдаться. Он знал, что испустит дух гораздо раньше, чем это сделают мародеры. Но он стоял, улыбаясь изо всех сил. Ради любви, ради Семриаль, которую более не увидит никогда. Надсмотрщик, приставленный к нему, то и дело удалялся из хибары, дабы наполнить свою кружку элем. Именно в эти редкие мгновения Руан мог позволить себе свалиться наземь и корчиться от нестерпимой боли, лихорадочно повторяя ее имя.

Тем временем в амбаре...

– Ты видишь что-нибудь? – осторожно вымолвил один из рыцарей.

– Да! Их больше чем предполагалось.

– Главное, что они пьют, – тихо прохрипел Гаранбар. – Кто-то видел куда повели Руана?

– Кажется, на ту сторону арены, – шепнул свекольный паладин.

– Мы не можем потерять его. Я обещал королю! – из бочки прозвучал отчаянный голос командира. – Планы меняются, господа! Зелье теряет свою силу – более нельзя высиживаться здесь. Предлагаю устроить засаду. Как только заполучим оружие, с боем ворвемся в темницу. К тому времени яд уже сделает свое дело.

– Вы уверены?

– Надеюсь... – робко бросил командир.

Долго и утомительно ждали палadini. Однако среди мародеров не нашлось ни единого любителя овощей. Ситуация требовала скорейшего вмешательства. Ведь напасть на опытных воинов без оружия и брони было безумием. И вдруг судьба им улыбнулась. Хотя сложно было назвать это улыбкой. Скорее язвительная ухмылка, которую палadini, увы, не заметили. Внезапно прозвучал горн мародеров. Огромная яма, укрытая деревянными досками, посреди пиршества вдруг обнажилась. Несколько воинов выложили небольшой ящик, переполненный тупыми и ржавыми клинками прямо перед взором рыцарей.

– Это шанс! – радостно промолвил один из воинов.

Вслед за оружием на арену под бешеный визг и плач вышла откуда не возьмись дюжина детей, подгоняемая толстой плетью из конского хвоста. Гаранбар был наслышан о пристрастиях Кломнута, поэтому тотчас представил скорый ужас.

– Гиены готовы? – торжественным голосом изрек полурослый старик.

Тот, кому предназначался вопрос, с безумной улыбкой кивнул головой.

– Выводите! – приказал Кломнут Душегуб.

Ждать было нельзя. Еще немного— и этих испуганных до смерти ребятишек скормили бы голодным монстром, на потеху извращенной публики. Да и Руан, вероятней всего, нуждался в помощи. Собравшись с духом, заранее прощаясь друг с другом, тридцать храбрых палadini с голыми руками и под боевой клич Кесгора кинулись на вражью свору. Вооруженные ржавыми клинками, предназначенными для арены, они уничтожали мерзких головорезов один за другим. Более четырехсот кровожадных убийц накинудись на них. Несколько десятков пали, не успев достать оружие из ножен. Завязался неистовый бой. Кесгорские палadini пытались прорваться к темнице, однако все было тщетно: их слишком мало, а ржавые клинки просто-напросто рассыпались под натиском зазубренной северной стали. Несколько раненых палadini повалились на землю. Собрав своих собратьев в плотное кольцо, Гаранбар и его небольшой отряд яростно защищались, готовые погибнуть на поле брани. Вдруг громкий возглас Душегуба— «В плен, только в плен!»—отменил их час смерти. Туго связанные грубой веревкой они были брошены к ногам вождя. Как сильно загорелись его глаза привычным хищным взглядом! Его совершенно не волновали вразброс валяющиеся трупы соплеменников, отдавших свою и так бесчестную жизнь ради поимки незваных гостей. Он предвкушал иное: новая забава! Кломнут мигом приказал убрать этих «тощих недоносков» (так он обычно отзывался о пленниках, исхудавших от недоедания) обратно в клетку. Подняв с земли истекающего кровью паладина, он застыл от изумления. На плече у пойманного рыцаря гордо красовался боевой герб Кесгора— трехглавый феникс с изогнутым драконьим хвостом. Не раз носители этого благородного знамени чуть было не лишали головы неуклюжего толстяка. Не раз оставляли шрамы на лице Далагула. Но ни разу в своей жизни он не имел чести лично расправиться с Кесгорским палладином. Неужели в сети попали его заклятые враги? Это был лучший подарок в его жизни. По крайней мере, так считал сам Душегуб. Он хохотал от счастья, как злорадное дитя, заставшее в чаше муравьиный рой. Мерзкий лай изголодавшихся гиен и звон зазубренных мечей об щиты нетерпеливых мародеров торопили разум Душегуба. Он игривыми глазами

выбирал первую жертву. Большинство паладинов были ранены и обессилены после жестокой бойни, и Гаранбар, как истинный командир, добровольно вызвался вступить в этот небольшой ад, в виде плоской ямы.

– Я!

– Что, что, что? Я не расслышал. Кто это сказал? – притворно обернулся Кломнут в сторону отважного паладина.

– Я готов выйти! – вновь повторил Гаранбар. – Ты хочешь зрелища? Я один тебе его дам!

– Говорят, моего брата прикончил некий кесгорский храбрец... – его взгляд пробежался по телу паладина, словно два изрядно мерзких таранула. – А еще говорят, он не совсем человек, раз уж сумел прикончить самого Далагула.

– Он был обыкновенным мерзавцем. Но ты на порядок ниже своего брата. Клинок разрезал его голову вдоль! Он не успел даже издать вопль. – бесстрастно бросил Гаранбар.

– Неужели мне повезло дважды? – завизжал от радости Кломнут и, устремив взор к небесам, громогласно обратился к брату, будто душа этого убийцы смогла достучаться до звезд – Ты видишь кого я поймал, Далагул? Ты видишь? Я не убью его быстро. Нет...

Гаранбар добился своего. Связанный, в окружении своры врагов, паладин сумел задержать за нужные ниточки жоака и теперь, предводитель мародеров играл по его правилам. Он знал, что убийцу Далагула ждет медленная, мучительная смерть. И именно на это и потратят головорезы свои последние часы. До остальных паладинов они вряд ли доберутся

– Ну что ты готов, вонючая псина? – плюнул Душегуб в лицо рыцаря – В отличии от Далагула ты будешь вопить. Долго вопить – язвительно улыбнулся жоак.

Кломнут искрился от предвкушения крови и, похлопывая в ладони, приказал развязать руки пленнику и бросить его на арену. А сам торопливо, мелкими шагами, устремился на свой трон, представляя себя царем. Гаранбар печальной улыбкой попрощался с товарищами, еле сдерживающими горечь предстоящей потери. Но он не собирался умирать. Он был готов биться до рассвета. Держа в руках изживший себя клинок, он спустился вниз по веревке, которую тут же свернули обратно. Замкнутому в смертоносном кольце, ему оставалось лишь одно – бороться! Прозвучал боевой горн, и Гаранбар с ужасом узрел сквозь прутья клетки, как приближается звериная морда, обнажившая слюнявый оскал. Паладин приготовился. Ему никогда не доводилось биться с гиенами. Он сражался против головорезов, против боевых собак, слонов, защищался от медведя. Даже когда-то усмирлял льва. Но гиена вызывала ужас. Зарыв кожаные ботинки поглубже в песок, крепко зажав рукоять клинка, воин затаил дыхание. И клетка распахнулась. Обезумевшая гиена мчалась на паладина, поднимая за собой клубы пыли. Скоро соперники столкнулись, скрывшись в пыльном тумане. В вихре были слышны лишь рев зверя и глухой шум. Пленники с нетерпением глядели в безликую серость поднявшегося песка. Кломнут, очарованный зрелищем, высунулся всем телом, стараясь разглядеть хотя бы что-нибудь. Но тщетно. Еще несколько мгновений— и клубы серого тумана прорезала алая струя долгожданной крови, подобно лучам солнца, прорезающим темень. Головорезы ликовали. Кломнут и его свита злорадно захохотали, узрев на песке кровь Кескорского воина. Чаши наполнились элем, а клинки непрерывно бились о деревянные щиты, создавая невыносимый для слуха гул. Но стоило рассеяться дыму, как исчез и пыл разбойников. Чрез пыльную муть показался силуэт человека. Чудовище, что несколько секунд назад мчалось в сторону воина, бездыханно лежало под его ногами, сраженное клинком в горло. Кесгорские пленники, не сдерживая радость, одушевленные победой, хором произнесли боевой клич, раздражая слух мародеров ненавистным пением. Кломнут был в бешенстве. Убить разом Кесгорских воинов – означало сдать, сломить колено перед их железной волей. Даже сейчас, взяв их в плен, имея над ними полное превосходство, Душегуб ощущал горький привкус поражения. Он еще не успел сломить их волю, не заставил тонуть в собственном отчаянии. Но игра не окончена, и жоак, на радость убийцам, громко объявил:

– Битва продолжается! Выпускайте двух гиен!

Гаранбар невольно устремил взор на небосвод в надежде увидеть утреннюю звезду. Однако до наступления рассвета было далеко и ему предстояло продержаться еще не одно сражение. На этот раз его ожидали две свирепые пасти. Но как бы мы не переживали за храброго воина, бросившего вызов сотням бандитов, нам придется покинуть его на время. Ведь где-то неподалёку, в ветхой темнице, без сознания лежал юноша, который был под стать Гаранбару и тоже бросил вызов самой смерти. Бросил вызов и, вероятно, проиграл... Его глаза неподвижно устремлялись в потолок, сердце замирало, а прерывистое дыхание и вовсе остановилось. Смерть неторопливо овладевало его телом, проскальзывая в каждый угол еще молодого, не закаленного жизнью тела. Неожиданно дверь в узницу распахнулась. Скучный лунный свет еле-еле вырисовывал очертания комнаты. Было видно, как хрупкие ступни, покрытые огрубевшей дубовой корой, изящно проскочили внутрь неосвещенного помещения. Оглянувшись вокруг и заметив помертвевшее тело, она, не издавая ни единого звука, кинулась к нему. Да, это была Семриаль. Конечно, больше похожая на дубовый обрубок. Достав из-под коры склянку с противоядием, она всё до остатка влила содержимое Руану. Через несколько минут он должен был очнуться: зелье обладало способностью мгновенно обезвреживать смертоносный яд. По крайней мере, на это надеялась нимфа. А что, если нет? Если она опоздала? Если смерть уже давно унесла его светлую душу под сонную колыбельную? Прошло несколько минут, а тело Руана не выдавала никаких признаков жизни. Это был конец... Конец ее истории. Но крошечная капелька надежды почему-то не отпускала ее, не давала признать потерю. Нимфа трясла своего возлюбленного, рыдала, молила вернуться к ней. Душераздирающий стон, сродни тому, что вырвался у Руана тогда, при виде павшей нимфы за решетками Заремской темнице, невольно вырвалось из ее уст. Она оплакивала потерю, сравнимую лишь с заточением Сакранильских нимф в Асмикраниле. Очередной не разглаженный рубец глубоко пронзил ее душу, заставлял трястись от невероятной боли. Она прижалась к бездыханному телу Руана и, словно безумная, рыдала, целуя холодные немые губы возлюбленного. Дева была столь поглощена горем, что даже не внимала тому, как некто в кожаных ботинках медленно подкрадывался сзади, распахнув широченные рукава. Это был один из мародеров, присланный полурослым стариком проверить здоровье Руана. Неожиданно, услышав плач и не предупредив собратьев, мародер, решил не делиться трофеем в виде прелестной девы. Ручища, испустившие немало крови, клешней сжали Семриаль. Попытки вырваться от бешеного убийцы были напрасными. Выкинув хранильницу в иной угол темницы, он с резвостью волка хотел было накинуться на нее, как вдруг тяжелый посох всей силою насмерть вышиб голову неугомонному головорезу. Посох сей был хорошо знаком нимфе. Однако, она все еще удивлялась его присутствию. Перед ней стоял знахарь манов. Да, тот самый высокомерный лжец, вынудивший паладинов отправиться в логово ужасов. Не теряя ни минуты и не объясняя ничего, он подал руку забившейся в угол деве и произнес лишь одну фразу:

– Я заварил эту кашу – мне и расхлебывать.

– Он умер! – гневным голосом произнесла Семриаль, глотая накатившиеся слезы. – Как ты собираешься расхлебывать это? Ты уже не вернешь его! – тихо сказав это, она вновь рухнула наземь, где лежал Руан.

Знахарь, немного пораскинув мозгами, замер, будто старался что-то вспомнить. Что-то давно забытое.

– Хранильница, отойдите от него.

– Нет! – коротко ответила нимфа взглядом тигрицы, которая вот-вот потеряет свое потомство.

– Молю вас, хранильница, отойдите.

Она молчала, не сдвинувшись с места, крепко прижилась к телу Руана.

– Да отойдите! – не стерпев, прокричал знахарь, рукой отстранив убитую горем деву. – Помнится, чему-то успели научить меня шаманы.

Сказав это, он поднял над головой свой тяжелый посох и, произнося неведомый наговор, с силой ударил в грудь усопшего. Над Руаном засверкала искра, и он, судорожно подпрыгнув, начал жадно глотать воздух. Магический удар посоха достучался до сердца юноши и впустил туда живительный эликсир. Конечно, гигантский синий след на груди Руана посох всё же оставил, но разве сравнится это с бесценным даром жизни? Семриаль, будто зачарованная статуя, застыла, не имея сил сказать что-либо. Она безумным взглядом наблюдала, как любимый, уже почти покинувший ее, вновь возвращается к ней, наблюдала, как безжизненное тело с удивительным величием вновь бьет ключом. Не стерпев ни минуты более, она кинулась к нему, целуя еще слегка холодные губы, вновь наполняющиеся прежней теплотой, касалась щеками его порозовевших щек, крепко сжимая грубые, мозолистые руки своего возлюбленного.

– Семриаль... —повторял он, словно канувший в какой-то сверхъестественный сон. Чувствуя в ладонях нежные руки своей единственной, Руан неспешно сделал глубокий вдох— и знакомый аромат ее волос вновь наполнил заблудшую душу страстной любовью, вернув ему дражайший дар, с потерей которого он недавно смирился. Нежные и дрожащие от волнения пальцы нимфы плавно скользили по ожившим чертам его лица; подобно легкому бризу касались самых недр его подсознания, а теплота ее дыхания согревала каждую клетку измученного тела, пробуждая вулкан неистовый чувственности.

– Семриаль... – вновь вырвалось из уст юноши. Однако на этот раз он не был поглощён видениями. Широко раскрыв глаза, он созерцал перед собой возлюбленную, в которой видел единственный смысл своей жизни. Крепко прижав его к себе, дева утопала в слезах радости. Пронизывающий трепет душевной мелодии взбудораживал их сознание, с еще большим стремлением заматывая полыхающую страсть в толстый клубок любви. Время будто приостановилось вокруг четы, раскрыв им тайное откровение бесконечности. Но— увы— остальных время не щадило; и хрупкое, воздушное уединение прервали гулы боевых горнов, исходящие снаружи. Гаранбар на радость Кесгорским рыцарям устоял перед очередным натиском гиен. Даже издалека было видно, что победа досталась паладину ценой невероятных усилий. Гиены сильно ранили его, покусав и исцарапав оголенное тело. Стоя из последних сил в центре арены, он не переставал бросать вызов убийцам, вонзая в песок истрепанный клинок. Воин поднял глаза на звездное небо: основная часть ночи была позади, однако он чувствовал, что еще одной подобной битвы ему не выдержать. Враги, к счастью, не умели читать его мысли. Между делом, раскрою вам маленький секрет. Яд, что уже находился в крови каждого мародера, медленно давал о себе знать легким головокружением и помутнением зрения. Однако головорезы были народом, не признающим слабость, и, приняв наступающие последствия отравления за опьянение, постыдились признаться в этом своим собратьям. Но давайте вернемся к событиям на арене. Не выдержав продолжительных побед какой-то Кесгорской выскочки, зрочки Душегуба налились кровью от бешенства. – Мне это надоело! – разочарованно вырвалось у него. Разъярённая толпа, стуча мечами, требовала от Кломнута иного исхода событий. Провалившись в мечты, он вдруг ощутил мускулистую руку, притянувшую его к себе. То был старый полурослик. Он что-то нашептывал Душегубу, а глаза жоака вновь начинали блестеть дьявольской искрой, губы расширились до язвительной улыбки. Он предстал перед головорезами и громко объявил:

– А теперь немного изменим правила. На этот раз, – сказал он, обращая внимание на Гаранбара, – в твоих руках будет не только твоя жизнь! Приготовьте ребенка! – приказным голосом буркнул он мародерам.

Ораторский голос Душегуба был настолько отчетлив и громок, что даже проскользнул сквозь щели темницы, где сейчас находились трое непрошенных гостей.

– Гаранбар! – вдруг вздрогнула нимфа.

– Мы не сможем ничем им помочь. Нам нужно спастись, пока кому-нибудь еще не взбрело в голову навестить темницу, – обратился знахарь к хранительнице. – Вы взяли с собой зелье?

– Возьмите Руана и бегите, – торопливо вымолвила нимфа, – а я попытаюсь испортить им праздник!

– Я вас прошу, Семриаль, им уже не помочь. Единственная надежда – это ваше зелье.

– Я их не брошу! – строго изъяснила нимфа.

– Вы опять за свое? Вы упрямей... —знахарь никак не мог решиться сопоставить характер принцессы Сакранильских нимф с упорством сами знаете кого.

– Нет! – вдруг, закашлявшись, проговорил Руан, доселе хранивший молчание. – Я знаю, как им помочь, – сказав это, он привстал, весь испачканный сеном и засохшим лошадиным навозом. – Дай мне зелье... —протянул он руку к своей возлюбленной.

– Нельзя такое делать! – тревожно, однако строго и с шепотом побранила его Семриаль, увидев, как тот, выпив магический отвар, протянул руку к мародеру, тихо лежащего с проломленной башкой. – Перевоплощение может произойти только с бездушной сущностью.

– Полагаю, вот это, —пнул он тело мародера ногой, – и есть уже бездушная сущность. Собственно, как он тут оказался?

– Не спрашивай, – кротко ответил знахарь. —Хранительница права: неизвестно, что может произойти, тронь ты эту гадость.

– Но вы же перевоплотились в дерево. А дерево живое! – возразил Руан, указывая на еле заметные остатки маскировки.

– Это не дерево, а кора дуба, болван! Понимаешь? Кора! – заворчал знахарь, достав из меховых карманов кусочек отломленной коры.

Руан на некоторое время впал в раздумье, но в итоге, собравшись с духом, коснулся ладонью трупа. Перевоплощение не заставило себя долго ждать. Руан исчез на глазах, а вместо коренастого юноши с добрыми глазами появился мародер. И пахло от него тоже как от мародера. Словом, немного бледный, но вылитый головорез, что ныне покоился у него под ногами.

– Не могу поверить, сработало! – изумленно воскликнула Семриаль, пощупывая своего возлюбленного в новом образе.

– А ты говорила, что нельзя. Это первое время так неудобно?

– Но в текстах было написано другое, – задумалась вдруг нимфа, не внимая вопросу Руана. – Это расширяет сферу зелья в разы. Мы могли избежать возни с повозками. – Она с сожалением обернулась назад, где под лязги лезвий и восторженные крики головорезов подходил конец Кесгорским паладинам.

– У меня есть план. Я проберусь к пленным, а вы постарайтесь чем-то отвлечь этих убийц.

Головорезы Кломнута с неистовым азартом глядели, как на арену выносят маленькое дитя, которое вовсе не понимало, какая именно судьба ожидает его в ближайшие минуты. Увидев малыша, рыцарь сдался. Он, как ни кто другой, уже предвидел исход его последний битвы. Испуганный мальчишка тотчас прибежал к паладину и ухватился за него столь сильно, как может ухватиться сын за своего отца. Изнеможенный и обессиленный, паладин присел, на несколько секунд его взгляд остановился на мальчишке. Глаза шестилетнего ребенка излучали глубокое страдание, и Гаранбару показалось, будто он смотрит в глаза старому отшельнику. Сердце паладина вздрогнуло. Рыцарь погладил мальчишку по растрепанной шевелюре и заботливо поцеловал его в лоб, напомнив ребенку о поцелуе давно ушедшей матери. Несмотря на глубокое отчаяние, он решился на последний подвиг – спасти во чтобы то не стало невинное дитя. Сапоги воина глубоко зарылись в песок, а рукоять клинка крепко зажата в ладони: он был готов к последнему бою. Рев голодных гиен будоражил кровь. Вот послышался не менее ужасающий звук: дрессировщики отперли вольер с жаждущими человеческой плоти хищниками. Внезапно один из них вырвался из кожаного намордника и вонзился в шею мародеру.

Столь безжалостная расправа на потеху радостной толпе стала спасительной для обреченных на арене. Не успела кучка убийц вырвать безжизненное тело из пасти голодной гиены, как их поджидал очередной сюрприз. Пожар, вспыхнувший в амбаре с провизией, омрачил настроение разбойников окончательно, на этот раз на радость пленным паладинам. Начался истинный переполох, Кломнут, позабыв о забаве, судорожно орал и метался на своем месте, в страхе остаться голодным на всю зиму, а головорезы, сбросив щиты и прочее обмундирование, бросились гасить неистовое пламя. Недолго думая, Семриаль решила поджечь именно амбар, зная, что мародеры стремглав умчатся спасать бочки и, тем самым, избавят связанных паладинов от лишнего надзора. По просьбе нимфы огонь лишь пугал убийц своими размерами, не прирагиваясь, однако, к провизии. Пока язычки пламени неторопливо облизывали сухие балки амбара, некий мародер, бледный, как лист непорочной бумаги, неуклюжими шагами приближался к пленникам. Подобравший поближе, он незаметно сунул в руки пленному рыцарю небольшой нож. Тот, смутившись от неожиданности, стал наспех перерезать веревку, выпученными глазами пялясь на «странного» мародера.

– Это я, Руан. И не вздумайте перепутать меня, когда будете кромсать этих убийц! Мы будем у ворот! – сказав, столь же неуклюжей походкой, он исчез из виду.

Иногда долгожданное происходит в столь неожиданный час, что целиком противоречит ожиданиям. Именно такое и произошло в разгар тушения пожара. Вдруг несколько более щуплых мародеров упали наземь от острой боли в желудке, а некоторые из них стали харкать кровью.

– Отрава! — с потерянным видом шепнул про себя старик. – Быстро в темницу, приведите мальчишку! – торопливо приказал он одному из головорезов, метавшемуся между колодцем и огнем.

С возвращением посланного мародера самые худшие опасения старика подтвердились. На вопрос, куда делся мальчишка, он лишь с туповатым выражением лица разводил руками.

– Кломнут! – крикнул полурослый старик сквозь густой дым и вопли умирающих собратьев. – В напиток отрава!

Трусливый до полусмерти, Душегуб стал в безумии поглощать ведрами холодную воду, не зная, что яд, приготовленной нимфой, давно уже сочился в их жилах.

– Отрава! – в суматохе дикого хаоса мародеры бросились к колодцу, оставив без внимания пламя. Вытолкнув своего вождя, они всё пили и пили, надеясь на исцеление. Многие безнадежно пытались вырвать еще недавно с таким бешеным аппетитом испитый ими эль.

– Закрывать ворота! – крикнул полурослики, не дождавшись, сам выбежал исполнять свой же приказ. Семриаль, Руан и знахарь так и не успели выбраться за ворота, тайно присутствуя в этом ужасе.

Подозрительный от природы, старик был единственным, кто воздержался от удовольствия испить кружку эля. И теперь это спасло ему жизнь... Точнее, от мучительной смерти. Пожар по повелению нимфы стал медленно угасать, и она еле заметно на своем Сакранильском наречии поблагодарила стихию. Тем временем двадцать девять узников, приговоренных к смерти, уже были на свободе и нацелили свое внимание на брошенные клинки из превосходной северной стали.

Кломнут, предвидя свою смерть, решил покончить с рыцарями и после, как он считал, «спокойно возвыситься к небесам». Он ползком добрался до своего седалища и, выхватив горн, дунул в него изо всех сил. Знаменитый рог, доставшийся Душегубу от брата, даже в эти отчаянные моменты заставлял мародеров содрогнуться. Его звук напоминал о присутствии Далагула. Обратив взгляд головорезов на себя, он истерично крикнул, указывая толстым пальцем на лежащих пленников:

– Это они отравили. Убить! Убить немедленно!

Медлить дальше было нельзя. Выхватив оружие, оптроемчиво брошенное мароде-рами, они, словно воскресшие из пепла, под боевой клич Кесгора рубили нечестивцев. Один из Кесгорцев швырнул веревку в яму и, спустя мгновение, предводитель паладинов, возглавил смертоносный отряд. Но головорезов все равно было гораздо больше. Против тридцати отважных воинов сражалось более трехсот безупречных убийц. Кесгорцы вновь сомкнулись в круг, и, вращаясь подобно пиле, предприняли отчаянную попытку пробиться к воротам, в надежде найти и закрыть своими плечами Руана и его спутников. Отрубленные конечности головорезов летели в разные стороны. Горстка храбрых воинов наглядно доказывала врагам, да и самим себе, что звание паладинов им досталось не случайно. Клинки столь грациозно плавали в воздухе, что враги не могли уследить за ними. Они лишь ощущали губительный хлад булата, как предсмертный подарок от Кесгора. Зазубренная северная сталь впервые вкусила плоть своих хозяев. Гаранбар сквозь пыль и лязг клинков тщетно пытался найти бледнолицего головореза. Но как можно было разглядеть среди трупов человека, походившего на труп? Внезапно полурослый старик заметил странного воина, укывшегося под завесой. Ни один головорез даже при смерти не отказался бы изрезать на куски Кесгорского паладина. Однако этот казался иным. Схватив разломанное копьё, он будто охранял кусок дуба, растущий рядом.

– Убить этого! Он не из нас! – крикнул старик, указав на бледного и неуклюжего мародера.

Несколько воинов тотчас ринулись на него. Руан успел лишь вонзить копьё в грудь одного из нападающих и упал наземь, не контролируя центр тяжести непривычного ему огромного тела. Остальные убийцы хотели было разрубить бедного юношу, как дерево словно ожило, ударив их толстым посохом. Во всяком случае, так показалось полурослику, далекому от магии. «Странный» головорез и два его деревянных спутника пустились в бег, в надежде укрыться от преследования. Командир рыцарей, заметив, как часть убийц развернулась, понял – их друзья где-то там, и сплоченная фаланга устремилась следом, расчищая путь, засеянный полчищем недругов. Ночь подходила к концу, а это означало скорое избавление. Тем временем троица успела укрыться в пустующем хлеву. Больше половины преследователей просто не добрались до места назначения. Остальных же мучила агония, пожирающая их изнутри. В иное время мародеры разом выбили бы дверь, но обессиленные от яда, они попросту подо- жгли избу.

– Горите в аду! – озлобленно орал старик уже охрипшим голосом.

Огонь мигом разошёлся по крыше. Загнанные в ловушку, они искали иного выхода. Но его не было. Густой дым в считанные секунды заполонил помещение. Узрев, как пламя медленно пробиралось к ним, Руан плотно прижал нимфу к себе, прикрывая ладонями ее щеки, в надежде уберечь мраморную кожу от посягательства огня. В это время знахарь диким ревом пытался пробить ногой иной путь через хлев. Но, к сожалению, доски были слишком прочными, да и густой дым сжигал легкие с каждым вдохом. И лишь Семриаль с невозмутимым видом тихо шептала что-то на своем Сакранильском, пристально глядя на пламя сквозь грубые пальцы головореза, бережно прикрывшие ее лицо. Но не торопитесь гадать, что именно ворожила нимфа. Я вам сию же минуту перескажу смысл наговора:

*Вулканов грозный повелитель
Укрой от жгучих язычков.
Как света в очагах хранитель,
Спаси от пламенных оков!*

Стихии очень любили тех, кто уважал их силу, а Сакранильские нимфы, как ни кто другой, знали об этом. После нескольких отчаянных попыток, просьбы Семриаль были услышаны, и пламя чуть не сгубившее их, стало медленно отходить. Ужасающие вопли просеченных голов

всё отчетливее доносились сквозь щели избы, куда уже успела просочиться лужа багровой крови. И друзья молились, чтобы кровь сия не оказалось Кесгорской. Вдруг послышался грубый голос:

– Раз! Два! – и на счет —«Три!» — массивный сапог выбил дверь.

Окровавленные воины, в которых едва узнавались черты паладинов, торопливо вытащили друзей на свежий воздух. Если, конечно, так можно назвать поле, усеянное трупами. Последние остатки некогда могущественного клана черных мародеров нынче валялись на каждом шагу, утопая в собственной крови.

Увидев своих подопечных во здравии, Гаранбар из последних сил приобнял Руана и Семриаль.

– Надо скорее выбираться отсюда! – вымолвила он сквозь непрекращающийся кашель.

– Эдод и Хледстиг со мной! Еще двое в темницу. Там дети, – кратко бросил командир, – остальные ждут за воротами. У меня одно незаконченное дело!

Вы, наверное, поняли о каком «незаконченном деле» говорил командир паладинов? Гаранбар был истинным рыцарем, но не лишенным чувство мести. Опираясь на своих товарищей и хромя, он подходил к черному шатру, праздно раскинутому в дальнем углу лагеря. Глухой стон доносился изнутри. Еще недавно торжествующий над рыцарями Душегуб извивался от адских мук. Не забыли воины всех бед, разоренных деревень, убитых матерей и чад, брошенных на съедение гиенам, лишь ради утехи ныне мучающегося мерзавца. Схватив умиряющего Кломнута за косы, паладин протащил его вдоль всего лагеря и, наконец, бросил в яму, где несколько часов назад сам отбивался от острого оскала зверей.

– Я хочу... —обессиленный, он говорил с трудом, – чтобы ты, грязная свинья, ощутил перед смертью то, что испытывали твои жертвы, – и кинул ему ржавый клинок. – Запомни, твой брат был убийцей..., но воином. А ты... просто ничтожество! – и, бросив взгляд Хледстигу, он приказал, – выпускайте гиену!

Открою вам маленький секрет: Кломнут до смерти боялся диких зверей и, по привычке, подвергал пленников тем пыткам, от которых дрожали его колени. Видимо это приносило ему неимоверное удовольствие. Описывать дальнейший ужас я не стану. Жалкая судьба Кломнута Душегуба обрывалась в зловонной яме, в компании гиен. Его все забудут, и даже спустя годы о нем никто уже не вспомнит.

На заре Семриаль, Руан и знахарь, а также паладины вернулись в деревню. К счастью, облик наших героев уже стал прежним. Вместе с ними по тропинке тихо шли освобожденные пленники – примерно дюжина детей и один еле ковылявший старик. Никто из них всё еще не верил в окончание ужаса. На пути их ожидал последний ужас сегодняшнего дня. Не пережив упадка могучего клана, старик-полурослик повесился. Он не возжелал смерти от вражеских мечей. Его тело так и осталось висеть, устремив взгляд на опустевший лагерь на горе Оглух.

Деревня празднично встретила компанию героев. А как же еще? То, что пережили они ради существования манов, достойно излагаться в героических сагах. К наступлению ночи повозки с провизией уже были у ворот частокола. Маны решили устроить празднество в честь гостей, однако большинство воинов, в том числе и Гаранбар, предпочли полежать в тихой обстановке, излечивая многочисленные раны. Но некоторые, в том числе и Руан со своей любимой, всё же решили послушать бардов у костра и немного развеселиться перед долгой дорогой.

– Жаль, большую часть мяса не смогли уберечь, – сетовал один из паладинов, тот самый бородатый воин, что выбил дверь горящей избы.

– Вы спасли народ, и он вам непомерно благодарен, – ответил знахарь. – Мы и с этим запасом протянем зиму. Низкий вам поклон, вам и вашим собратьям, и прижал к груди палатина.

– Кстати, а что случится с освобожденными? Они останутся в деревне? – поинтересовалась нимфа у того же рыцаря.

– Нет! Практически все они сироты, а деревня слишком бедна, чтобы прокормить их. Гаранбар решил увезти всех в Кесгор, – промолвил бородач, – он уверен, что из них получатся доблестные рыцари. Они обретут новый дом. И мы не вечны... – горько вздохнул воин.

– Вчера ночью мне показалось обратное, – рассмеялся Руан, – я воочию понял, кто такие паладины.

После недолгой беседы бородастый рыцарь бросился в пляску, а двое влюбленных, подобно неразлучникам, молча наблюдали за весельем. И вновь они чуть не потеряли друг друга.

Наступил вечер. Гуляние обрело второе дыхание, и с еще большим размахом воспевались подвиги храбрецов. В суматохе веселья знахарь вдруг уловил красноречивый взгляд Семриаль. Он кивком пригласил чету в хижину, в ту самую, где у них впервые произошла беседа.

– Вы исполнили обещание. Теперь мой черед, – почти траурным голосом проговорил ман. – Я... Я не гарантирую, что вы найдете его живым. Может, он давно...

– Мы готовы ухватиться за любую надежду, – прервал его Руан.

– Хорошо. Слушайте и запоминайте. За несколько верст на северо-восток от деревни есть обугленная хижина..., впрочем, вас проводит житель. Но дальше этой хижины он не ступит ногой. После того случая... они боятся этих земель. Считают, что духи шаманов до сих пор бродят в окрестностях.

– А вы? – спохватилась Семриаль. – Вы боитесь?

– Меня страшат не духи и не гомункул. Я боюсь себя. В этих местах воспоминания освежаются, и я страшусь того зверя во мне, – потом немного помолчал и продолжил привычным тоном, – дойдя до хижины поверните на восток и направляйтесь к скалам, к истоку Пиларийского хребта. Найдите каменный круг – жертвенник, и... – знахарь вновь сделал паузу. Он не признавал, что боится гомункула. Боится увидеть его живым. Живым воплощением страданий, которые причинил ему еще молодой ученик шаманов. Но в то же время он страстно желал упасть перед ним и просить о прощении. Знахарь много лет жил в этой растерянности, каждый раз задавая себе один и тот же вопрос: «Жив ли он?». Страх и раскаяние боролись в нем до сегодняшнего дня. И теперь, отдавая нимфе последнюю подсказку, он, наконец-то, сделал выбор. Но о его выборе мы так и не узнаем.

– Записывай! – кратко вымолвил Руану страдалец, указывая на перо.

И тот принялся записывать следующее:

Слезинки девственного тела,

Увидишь ты у самых ног.

И, взглянув сквозь них, умело,

Откроешь потайной чертог.

– Это всё, что я знаю, – вздохнул ман. – Эту фразу я услышал случайно, когда подглядывал за инициацией одного из шаманов. Попробуйте разгадать его, и, наверное, вы сможете найти чертог. Знаю, это ничтожная доля за все ваши старания, но больше ничем помочь не смогу, друзья.

– Вы сами пробовали отгадать эту загадку? – поинтересовалась Семриаль.

– Я даже не пытался.

– И вы сорок лет просто хранили его? – возмутился Руан.

– Я вообще не должен был знать про чертог до инициации. А теперь, извините, я присоединюсь празднеству. Но что касается вас, я посоветовал бы посетить жертвенник на заре. Шаманы всегда устраивали обряды именно в это время, – сказал он и устремился к выходу.

Загадка не желала поддаваться разуму. Нимфа напрасно искала ответ в книгах, пользуясь своим уникальным даром. Магические трактаты умалчивали тайну осмотрительных шаманов. Они почти всю ночь усердно пытались найти разгадку и, сами того не заметив, сладко уснули в объятиях друг друга, утомленные событиями прошлой ночи. Каждый из них видел сон, и, судя по выражению их лиц, снились им одни и те же грезы. Впрочем, не будем беспокоить их сновидения, ведь возлюбленным еще не скоро доведется уснуть столь умиротворенно.

Наутро Семриаль твердо решила, что отгадать загадку можно, лишь присутствуя в непосредственной близости к горам. Может, сама природа подскажет ответ? Она не могла долго ждать и разбирать каждую фразу загадки. Ее сердце билось желанием освободить свой народ. Видя, как страдает его возлюбленная, Руан покорно соглашался с ней во всем, готовый еще много раз слепо рисковать жизнью ради нее одной. Именно эта черта больше всего настораживало нимфу. Ведь еще недавно Руан, самое дорогое, что осталось у нее, был на волосок от гибели. «Такое больше не должно повториться!» — твердила она себе. Однако приключения опасны именно своей непредсказуемостью, а Семриаль это прекрасно осознавала. Она понимала, что в один день везение может пройти стороной Руана, и этого дня она боялась больше всего.

Несмотря на все убеждения Гаранбара, нимфа отказалась от их дальнейшего сопровождения. Раненые, уставшие, они и так сделали слишком много.

– Дальше нас сопроводит местный. Мы непомерно благодарны тебе, Гаранбар, и каждому паладину. Прощайте, доблестные сыны Кесгора, – нежным голосом обратилась нимфа.

– Мы никогда не забудем вас, – с прощальной улыбкой промолвил Руан, крепко прижав к себе командира отряда и его спутников.

Как ни странно, грозный воин, уже успевший привязаться к этой паре, вдруг пустил слезу. Он был сентиментальным и в такие моменты не смог скрыть печали. Это был признак чистой души.

– Может, всё-таки...

– Не стоит, друзья, – добавил Руан. Дальше мы сами. И... передайте Аргеолу, что ему очень повезло с вами. Прощайте!

Взяв с собой узелок с провизией, они неторопливо вышли из деревни, стараясь не оглядываться назад. У самого выхода их поджидал знахарь. Он сухо попрощался с четой и запряг мула с провожатым. Но напоследок всё же решился выдать из себя последнюю просьбу:

– Если вдруг... он там, – он опустил глаза, – попросите прощения от имени всей деревни. Прошу вас.

Руан утвердительно кивнул головой, и они пустились в путь, к истокам гор, разделяющих Мервильский лес и эту проклятую деревню. Примерно через час путники заметили легкую дрожь на теле провожатого мана. С виду довольно крепкий мужчина стал всё чаще оглядываться и дрожащим голосом что-то шептать под нос. И наши друзья поняли – хижина где-то близко. Узрев издали очертания заброшенной поляны и единственной хижины, ман, торопясь, выгрузил их вещи и скрылся прочь от этого «злополучного» места, даже не попрощавшись. Руан и Семриаль не были обременены столь паническим страхом перед мстительными духами шаманов, да и ничего плохого они им не сделали. Руан решил осмотреть хижину, в надежде найти хоть какую-то зацепку. Они вошли внутрь. Полуобгоревшая изба осталась совершенно нетронутой с тех пор, как минули годы после кровавых событий. Микстуры в стеклянных колбах, высушенные лапы различных рептилий вразброс лежали в разных углах.

– Может, что-нибудь тебе пригодится? – сказал Руан, подняв одну из уцелевших склянок.

– Не трогай здесь ничего, – возразила нимфа. – Взгляни на это, – внимание Семриаль внезапно переключилось на большой шарообразный предмет, весь покрытый пылью.

Руан тотчас дунул, и сквозь пыль обнажилась безнадежно треснувшая шарообразная колба.

– Видимо здесь и родился гомункул! – воскликнула хранительница. – Многие пытались стать авторами этого шедевра... – Вздохнув, она продолжила, – какая же участь ожидала его.

– И никаких записей! – недовольно буркнул Руан, копаясь в груди давно уже ненужных предметов.

– Шаманы, во избежание утечки тайн, просто запоминали наизусть каждую формулу, каждое заклинание. Даже не пытайся найти записи.

– О! Посмотри, чья-то шуба. Не шамана ли, случайно? Может, в карманах что-то найдется; и принялся осторожно выворачивать их.

– Нетро... Ну, ладно! – сдалась Семриаль и сама принялась помогать ему.

Карманы были пусты, единственное, что смогла найти пара, так это маленький кожаный мешочек с крохотной ложечкой внутри.

– Это не похоже на дозатор, уж слишком он мелкий, – пристально всматривалась нимфа, сведущая в приготовлении эликсиров.

– Давай заберем с собой, – предложил Руан. – Не зря же шаман тащил эту штуку с собой. Обязательно верну его на место, если не найду применения.

И чета вышла из хижины, так и не найдя ключ к разгадке.

– Отсюда на запад!

Спустя четверть часа чета наткнулась на еще одну лужайку. В этот раз она выглядела менее мрачной. Несмотря на глубокую осень, место словно было островком цветущей весны.

– Как же тут красиво! – промолвила Семриаль, вздыхая аромат еще цветущих деревьев.

– А вот и алтарь, – указал Руан на небольшой каменный круг, весь укутанный природой.

– Значит, вход где-то поблизости!

Усевшись поудобнее в густой траве, Руан вновь достал клочок бумаги с надписью:

*Слезинки девственного тела,
Увидишь ты у самых ног.
И, взглянув сквозь них, умело,
Откроешь потайной чертог.*

Пытливые мысли влюбленных, столкнулись об непоколебимую твердь загадки и лишь надвигающиеся сумерки красноречиво говорили о бессмысленно потерянном времени. С наступлением ночи чарующая красота местности будто исчезла, отворяя свои владения холодному осеннему ветру. Под теплым светом костра, укутавшись в плед из козьей шерсти, они не опустили рук и упорно искали ответ.

– Нет! Мы никогда не разгадаем эту чертову загадку, – не выдержав, процедил Руан, – Вот бы Лямель был тут!

– Ты прав. Лямель! Однажды он разгадал одну, – вдруг улыбнулась Семриаль, разогнав отчаяние в глазах. – Я же могу отправить ему послание!

Она достала небольшую книгу из узелка, бережно провела ладонью по страницам и тихо шепнула четверостишие с небольшим посланием к дорогому другу. Через несколько минут сквозь строки книги появились буквы, изящно складываясь в слова:

«Руан, Семриаль! Как я рад увидеть от вас весточку. Я так беспокоился», – и слова исчезли, чередуясь со следующими: «Я получил загадку. Постараюсь сделать всё возможное. Боже, как я рад услышать вас». «Как же я хочу вас увидеть, друзья мои».

После этих слов книга умолкла, и чета, плотно прижавшись под пледом, наблюдала за бесконечным танцем огоньков, тихо наслаждаясь любовным уединением.

Наступил новый день, хотя старый только-только отдавал свой черед. Чета проснулась то ли от излишней сырости и густого тумана, то ли от слабого света, исходящего от книги.

– Семриаль, книга! – взволнованно разбудил ее Руан.

Полусонная, она вскочила и открыла заветные страницы. Это был Лямель. Точнее, послание от него. Там было следующее:

«Я не смог отгадать всё и полностью, так как не вижу, что это за место, но, думаю, первая строка поддается разгадке. Мне помогла Плеция. Кстати, она вам шлет свое приветствие. Слушайте. Девственное тело – это чистое тело у самых ног. Если вы где-то на природе, то, полагаю, это цветок чистотел. Хотя, где сейчас осенью найти чистотел?! А слеза— это, вероятнее всего, роса. Роса на чистотеле! Может, я и ошибаюсь. Но остальное, как в тумане. Не поддается. Друзья мои, я так соскучился по вам, надеюсь, мои подсказки помогут.»

– Чистотел! – задумалась Семриаль. – Как же я не догадалась. Чистотел, – повторяла она.

– А где он? Я плохо разбираюсь в цветах. Знаю только розы.

– Да вот же! – радостно подпрыгнула нимфа. – Ты сидишь прямо возле него.

И поистине— рядом, у ног Руана незаметно рос желтенький цветочек. А на нем, как и должно быть на заре, скопились маленькие капельки росы.

– Что с ним делать? – тщательно разглядывая росу, промолвил он. – И как изволите взглянуть сквозь нее?

Нужно было торопиться. С восходом солнца капельки росы исчезли бы в считанные секунды.

– Я поняла! Дай ложку! – быстро проговорила Семриаль. Да-да, ту, что ты забрал у шамана. Кажется, я знаю, для чего она!

Удерживая ложечку в своих хрупких руках, она осторожно собрала росу и, рискнув, капнула в глаза. Свершилось! Перед взором Семриаль открылась иная лужайка, а рядом со скалой показался каменный дверной проем.

– Я вижу, вижу вход! – закричав, устремилась к безмолвной скале, откуда, по мнению Руана, на них глядела лишь серая гладь.

Но Семриаль видела иное. Отчётливые очертания прохода, дверную ручку и прелестную резьбу на холодной скале. Она легким движением дотронулась до ручки, и массивная каменная дверь вдруг распахнулась, как дверь тростниковой лачуги. Леденящий душу ветер, годами заточенный в пещере, вырвался наружу. Он объял непрошенных гостей и улетел прочь, оставив их один на один с гомункулом, затаившимся где-то в дебрях сталагмитов. Было страшно встретиться с существом, не ведомым доселе человечеству. Но еще больше страшились они обнаружить его останки.

Семриаль долго не решалась войти, но, почувствовав сильные руки Руана, сжимающие ее ладони, она сделала первый шаг, и вход сомкнулся вслед за ними. Из-за отсутствия достаточного количества кислорода факел загорелся невероятно тускло. Чертог, как это место называли шаманы, был сырым и довольно мерзким. Капли воды, падающие в глубине пещеры, били прямо в сознание, еще больше угнетая атмосферу. Запах сырости и огромное количество укромных уголков пугали путников. Кромешная тьма окутывала пещеру, как мать, обертывающая свое дитя в пелену.

– Почему мы не взяли хотя бы кинжал? – встревожено шепнул он нимфе.

– Мы пришли сюда с миром. Он должен это понять.

– Эта пещера тянется напрямик вглубь гор. Нам придется искать его, целую вечность

– Не придется! Я чувствую магию. Он сам нашел нас.

Странное ощущение магического присутствия усиливалось с каждым биением сердца. Было сложно понять, какое чувство питает это существо к человеку, чуть было не стувившему его жизнь. Страх? Ненависть? Может, и то и другое, как часто бывает. Два незаменимых послевкусия человеческой жестокости. Пара замерла, затаив дыхание. Любой неправильный шаг – и нечто, что наблюдает за ними, укроется в глубине пещеры. Существо пристально всматривалось, изучая их безмолвие, чувствуя их тревогу. Но и нимфа ощущала его страх. Тонкое чутье

ее душевных фибр всё яснее описывало природу гомункула. Наконец, из гущи мрака раздался слабый голос:

– Что вам надо?

Это была удача. Существо заговорило с ними. За много лет он не позабыл речь иноземцев. Может, он помнит и заклинания? Теперь нужно было сделать все, дабы не упустить эту призрачную нить разговора. Нимфа нежно сжала ладонь своего возлюбленного, дав понять, что говорить будет пока она, ведь добрый, но порой грубый Руан мог спугнуть гомункула.

– Мы пришли...

– Убить меня? – нервно оборвало ее существо.

– Нет-нет, – торопливо возразила Семриаль, – Мы пришли за помощью...

– Я не помогаю убийцам!

– Мы не...

– Вы убийцы! – раздражённость в его голосе нарастала.

Руан понял, что нить обрывается, и, вопреки желанию нимфы, промолвил.

– Не называй нас убийцами! Мы не раз были на волоске от смерти, не раз страдали от рук убийц! Разве ты один стал жертвой человека? Люди убийцы и жертвы в одном лице! Помогите нам спасти множество душ от истинного зла! Мы знаем твою историю! Не забывай, твои создатели тоже были людьми.

Он говорил твердо и уверенно. Его голос эхом разнесся по всем уголкам грота. Но ответа всё не было. Лишь капельки с прежним усердием бились об камень. Столь резкая речь могла окончательно испугать гомункула.

.– Люди пытались убить меня, потому что я не похож на них. Я монстр! Мои отцы не убивали. – в дрожащем голосе его ощущалась не тлеющая обида.

Руану и Семриаль вдруг показалось, что гомункул залился слезами. Даже под покровом ненасытного мрака, неугомная душа страдальца безмолвно заревела. И всякое сердце способное к состраданию могло услышать сей плач. Он вспоминал своих создателей. Гости решили замолкнуть. После недолгой паузы, гомункул вновь нарушил тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.